

Б 63.3(2Р-4П)  
М 48

В. Г. МЕЛЬЧАКОВ

13

**ВЕРЕЩАГИНО:  
ИСТОРИЯ ГОРОДА  
И РАЙОНА**



ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ  
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ  
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач \_\_\_\_\_

--	--

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА  
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ  
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ  
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА  
Колич. пред. выдач \_\_\_\_\_

--	--

98 08 14

В. Г. МЕЛЬЧАКОВ

B63.3(2P-4П)  
M48  
01

ВЕРЕЩАГИНО:  
ИСТОРИЯ ГОРОДА  
И РАЙОНА

217722

3 | Верещагино  
П.С.С.

Верещагинский  
Пермский обл. центр

Пермский областной творческий центр

1994 г.

Историко-краеведческий очерк о Верещагинском районе Пермской области, написанный В. Г. Мельчаковым, рассказывает о заселении и освоении края с древних времен до момента установления советской власти. Это продолжение работы автора «Верещагино — западные ворота Урала», изданной Областным творческим центром в 1993 году.

#### СПОНСОРЫ КНИГИ

Управление культуры администрации Верещагинского района.  
Комитет по управлению имуществом Верещагинского района  
в лице **Белобородова Юрия Григорьевича**, председателя комитета.  
Частная нотариальная контора в лице нотариуса **Заборовской Любови Николаевны**.

#### ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ КРАЯ

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие... Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости.

А. С. ПУШКИН.

Урал — древняя горная система, существующая сотни миллионов лет. Когда-то высокие Уральские горы постепенно, в результате выветривания, превратились в цепь возвышенностей, сглаженную и покрытую лесными массивами. Теперь лишь некоторые их вершины достигают высоты двух километров над уровнем моря.

В разрушении цепи Уральских гор немало потрудились и ледниковые толщи, неоднократно надвигавшиеся сюда с севера и северо-запада (Новоземельский и Скандинавский ледники). Установлено, что последние оледенения доходили до широт современного Очера. Значит, вся территория нашего района в далеком прошлом была покрыта льдами. Плоские отполированные овальные куски гранита и базальта, которые мы нередко встречаем сейчас, — это продукты и немые свидетели разрушительной работы ледников.

В нашей области найдена самая северная в Европе стоянка первобытного человека, жившего в эпоху палеолита — древнего каменного века. Вместе с остатками орудий труда и костров обнаружены кости мамонта, двурогого носорога, дикой лошади и других древних млекопитающих.

Жилищем для древнего человека служили нерукотворные пещеры. Ведь история деревянных и каменных построек охватывает сравнительно небольшой отрезок времени — несколько тысячелетий.

Но в нашем районе отсутствуют горные образования, карстовые явления в виде естественных пещер, подземных рек, которые пробили бы себе русло в гипсовых, известняковых толщах. Возможно, поэтому человек стал позднее осваивать наши лесистые, таежные просторы.

Можно предположить, что жилищем древних людей нашего края были землянки, то есть искусственные пещеры: незатопляемые водой ямы с перекрытием. Шли века, накапливался опыт, строительство жилищ совершенствовалось, появились полужемлянки, а затем и наземные деревянные постройки.

Археологические исследования подтверждают, что заселение Прикамья людьми началось примерно 75 тысяч лет назад. Первые его жители — финно-угорские племена (древние предки нынешних коми-пермяков и удмуртов) расселялись в северной части территорий теперешней Пермской области, в долине Камы и дру-

гих крупных рек, а лесистый бассейн нашей Лысьвы еще длительное время оставался безлюдным. Предположительно, древние поселенцы Западного Урала заходили сюда только в процессе охоты и рыбной ловли, не оседая на постоянное жительство.

Нет пока подтверждений и того, что новгородцы, достигшие в X—XI веках верховьев Камы, надолго останавливались или оседали в нашем крае. Этим предприимчивых и смелых людей привлекали прикамские леса, изобилующие ценным пушным зверем (соболем, песцом, куницей и горностаем), шкурками которого они выгодно торговали с чужеземцами, а также реки, богатые осетровой и лососевой рыбой.

Даже результаты первой подробной переписи всех населенных пунктов в 1579 году, проведенной в Прикамье писцом Иваном Игнатьевичем Яхонтовым совместно с подьячим Третьяком Карповым, свидетельствуют о незаселенности наших мест. Яхонтов и Карпов составили так называемые писцовые книги на Пермь Великую (впервые Пермь Великая была упомянута в Троицкой летописи за 1321 год). Такие книги в те времена служили основанием для обложения населения податями, а также выполняли роль юридического свидетельства о праве владения землями и крепостными крестьянами.

На основании описательной части этой писцовой книги в дальнейшем была составлена схематическая карта Пермь Великой. На ней можно было увидеть, что огромные земли Строгановых в 1579 году простирались от истока Камы на западе до Уральского хребта на востоке, от Усожья Камского на севере до земель Казанского уезда на юге. При этом центральная часть земель (по рекам Каме и Чусовой) была освоена Строгановыми, а к западу и востоку от нее простирались неосвоенные земли. Территория нынешнего Верещагинского района по реке Лысьве входила в западную, неосвоенную часть Строгановских угодий. На ней переписчиками не было указано ни одного, сколько-нибудь значительного населенного пункта.

Севернее, южнее и юго-восточнее нынешнего расположения города Верещагина также размещались так называемые «отхожие земли». На западе территория современного Верещагинского района в 1579 году граничила с землями Кайгородского уезда с центром в Кайгородке на Каме, занимавшего верховье этой реки до ее поворота на восток. Граница с Кайгородским уездом, по сути, проходила по современной линии границы нашего района с Удмуртией.

Из ближних к месту нынешнего города Верещагина населенных пунктов, указанных на старинной карте, — деревни Верхние и Нижние Муллы около Камы, а также деревни Федорово и Кривая Наволока на реке Обве. Некоторые из них существуют в настоящее время.

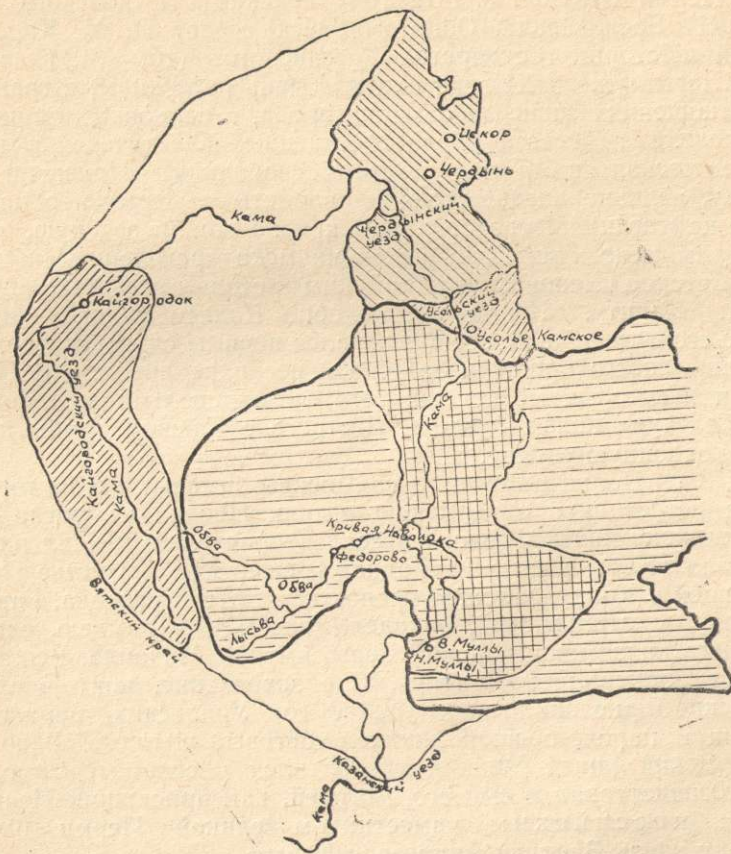


Рис. 1. Пермский край в 1579 году по переписи И. Яхонтова.



— земли, пожалованные Строгановым



— освоенная Строгановыми территория

На карте указаны города, острожки, слободы, погосты, деревни, починки.

Приток русских поселенцев в Прикамье начался после завоевания Перми Великой в 1472 году войсками московского князя Ивана III Васильевича. Об этом рассказывает Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (том VI, глава I):

«...Пермь уже в XI веке платила дань россиянам, в гражданских отношениях зависела от Новгорода, в церковных от нашего митрополита, но всегда имела собственных властителей и торговала с москвитянами как держава свободная. Присвоив себе Вологду, великие князья желали овладеть и Пермью, однако ж дотоле не могли: ибо новгородцы крепко стояли за оную, обогащаясь там меною немецких сукон на меха драгоценные и на серебро, которое именовалось закамским и столь прельщало хитрого Иоанна Калиту. Иоанн III, подобно Калите дальновидный и гораздо его сильнейший, воспользовался первым случаем исполнить намерение своего пращура без явной несправедливости. В Перми обидели некоторых москвитян: сего было довольно для Иоанна: он послал туда князя Феодора Пестрого с войском, чтобы доставить им законную управу.

[1472 г.] Полки выступили из Москвы зимою... и близ городка Искора встретились с пермскою ратюю. Победа не могла быть сомнительною: князь Феодор рассеял неприятелей; пленил их воевод... взял Искор с иными городками, сжег их и на устье Почки, впадающей в Колву, заложил крепость; а другой воевода, Гаврило Нелидов, им отряженный, овладел Уросом и Чердынюю, схватив тамошнего князя христианской Веры, именем Михаила. Вся земля Пермская покорилась Иоанну... Сие завоевание, коим владения московские прислонились к хребту гор Уральских, обрадовало государя и народ, обещая важные торговые выгоды... Вероятно, что пермский князь Михаил возвратился в свое отечество, где после господствовал и сын его, Матфей, как присяжник Иоаннов. Первым российским наместником великой Перми был в 1505 году князь Василий Андреевич Ковер».

Приток русских переселенцев в Прикамье и, в частности, в бассейн Обвы и Лысьвы, усилился после взятия Казани (1552 год), так как с падением Казанского ханства были освобождены волжско-камские пути.

Не имея достаточных сил для охраны далеких северо-восточных границ, русское правительство вынуждено было передать часть земель в Прикамье частным лицам, при условии, что ими будут выстроены здесь оборонительные пункты, содержаться ратные люди, осваиваться природные богатства. Так, огромные земли по Каме от Соликамска до устья реки Чусовой в 1558 году по жалованной грамоте Ивана IV (Грозного) получают купцы Строгановы, выходцы из разбогатевших поморских крестьян. Основатель этой династии Аникей Строганов прочно обосновался в Соли Вычегодской еще в 1515 году.

Получив такие владения, Строгановы стремились заселить их. Они покупали крестьян у помещиков центральных и северных губерний — Псковской, Владимирской, Казанской, Вологодской, Нижегородской и Архангельской (с реки Мезени). Крестьянам присваивались прозвища по месту их приобретения. Так можно объяснить появление в наших краях нынешних фамилий Казанцевых, Вологдиных (Володиных), Мезенцевых и других.

Строгановы развивали земледелие, солеварение, охотничьи, рыбные и рудные промыслы. Они строили города, крепости, силою военных дружин подавляли протест местных народностей и присоединяли к России новые территории в Предуралье, на Урале и в Сибири. Так, в июне 1579 года Строгановы отправили с реки Чусовой отряд казаков в 1650 человек во главе с Ермаком Тимофеевичем покорять Сибирь. Победы Ермака способствовали распаду Сибирского ханства Кучума и присоединению Сибири к России. Об этом подробно повествует Строгановская летопись «О взятии Сибирской земли», написанная в 1622—1623 годах.

Главная волна переселения накатилась после 1666 года. Она была связана с расколом русской православной церкви и жестоким преследованием сторонников старой веры. Бегство их из Москвы в скиты, запрятанные в глухих лесах на реке Керженец (Нижегородская область), не принесло им спасения. Из разоренных царскими войсками керженских скитов часть староверов «шли на солнце», то есть дальше на восток и, в частности, в уральские леса.

Движение старообрядцев совпало с разгромом Петром I стрельцкого восстания в Москве (1698 г.) и усилением крепостнических порядков в России. В прикамской тайге находили прибежище не только староверы, но и беглые крестьяне, спасающиеся от крепостничества, частых рекрутских наборов, и стрельцы-бунтовщики. Все эти люди селились в уже имеющихся здесь глухих таежных деревнях или лесных землянках. Так возникла, например, деревня на реке Лысьве, которую называли Лысьвенкой.

В 1701 году Петр I пожаловал баронам Строгановым обширные земельные пространства по рекам Обве, Иньве, Косе и с ними — свыше 14 тысяч душ мужского населения. Тогда территория будущего Верещагинского района и попала окончательно в состав Строгановской вотчины. Беглые крестьяне здесь вновь оказались в крепостной зависимости.

В сочинении архимандрита Палладия «Обозрение Пермского раскола» описывается, что после стрельцкого бунта часть стрельцов убежала от репрессий Петра I в Прикамье, где поселилась по рекам Очер и Лысьва. Однако в 1725 году их поселения здесь были открыты и разорены. Некоторые семьи бежали тогда на север, на реку Юм (ныне Юрлинский район Коми-Пермяцкого автономного округа).

В 1759 году Строгановы (теперь уже графы) заложили в урочище реки Очер железодельный Очерский, а в 1819-м — листокатательный Павловский заводы, для которых были построены большие пруды. К заводам оказались приписанными огромные лесные массивы (лесные дачи), где крепостные крестьяне заготавливали древесный уголь для металлургических кричных печей, а также варили смолу и деготь. За заводами закрепили население шести волостей и 100 тысяч десятин земли (десятина — русская мера земельной площади, равная 2400 кв. сажням, или 1,09 гектара). Часть территории будущего Верещагинского района также входила в состав лесной дачи; в Губановской земельной общине вплоть до революции находилась контора и двухэтажный жилой дом строгановского лесничего.

Следует добавить, что для строительства Очерского завода и пруда часть людей добирала в непроходимых лесах по рекам Лысьве и Сепычу по деревьям и скитам, в которых люди жили, затаившись. Их также навечно приписали к заводу, чтобы использовать на его строительстве или в снабжении производства древесным углем, а населения — хлебом.

Строгановы стремились ко всемерному увеличению своих богатств, и на реке Лысьве началось строительство плотин для мукомольных мельниц. Работа крепостных, согнанных для этого из окрестных деревень, продолжалась от зари и до зари.

Известный в нашем районе краевед и основатель Вознесенского народного музея Е. Г. Тарасова записала воспоминания местных старожилов. Они рассказывали, что на строительстве большой плотины около деревни Лысьвенка люди под окрики и плетки приказчиков возили землю тачками и носили ведрами на большое расстояние. Многие, особенно молодые, не выдерживали издевательств, бежали с тяжелой работы и скрывались в лесах.

Эта плотина значительно сократила путь сивинским торговцам хлебом и кожами к водным пристаням Камы — старинным городам Оханску (1663 г.) и Осе (1591 г.). Прежде путь проходил через деревни Большой и Малый Кокуй, делая изрядный крюк. С постройкой мельницы была заложена на крутом берегу Лысьвы новая деревня. Поскольку место оказалось удобным, то она стала быстро расти и вскоре получила название Новый Посад (в старину поселения часто называли посадами). Тогда же деревню Лысьвенка, что стояла выше по течению реки, назвали Старым Посадом, и под этим наименованием она известна нам сейчас.

Из строгановских крепостных деревни Старый Посад происходил Федот Алексеевич Волегов (1790—1856), автор «Материалов по истории Пермского края», «Усольской летописи» и других ценных краеведческих исследований.

В конце XVIII века в Новом Посаде земством была построена большая кирпичная православная церковь. После чего дерев-

ня получила статус села и новое наименование — Вознесенское. Село Вознесенское до 1924 года было центром одноименной и большой волости Оханского уезда Пермской губернии.

В состав Вознесенской волости входила в дальнейшем и Губановская земельная община, впоследствии ставшая территорией города Верещагина. К концу XIX века волость занимала примерно третью часть нынешнего Верещагинского района, охватывала 15 земельных общин со 115 деревнями и с населением более 10 тысяч человек. Сейчас на этой территории расположены земли совхозов «Первомайский», «Ударник», «Ленинский», «Куйбышевский», «Тимирязевский», «Верещагинский» и совхоза-техникума «Уралец». Соседями Вознесенской волости были Сепычевская, Путинская и Старо-Путинская (Денисовская) волости.

В 1773 году часть своей уральской вотчины Строгановы продали сенатору и тайному советнику В. А. Всеволожскому. За 300 тысяч рублей серебром он купил земли севернее рек Сепыч и Лысьва, куда вошла территория нынешних Верещагинского, Сивинского и Карагайского районов и Коми-Пермяцкого автономного округа. Так появилась в Прикамье еще одна вотчина — Всеволожских, с огромными массивами лесов, полей, пятью заводами и с населением в 10 тысяч человек, считая только мужской пол. Новый хозяин разделил свое имение на две части: горнозаводскую, с центром в Пожве, и сельскохозяйственную, с центром в Сиве.

В 1776—1777 годах крепостные крестьяне деревни Сепыч активно участвовали в Обвинских волнениях. Будучи незаконно проданными своим помещиком В. А. Всеволожским заводчику М. М. Походяшину, они, как и крестьяне Кизьвы и Зюкая, наотрез отказались бросить свои дома, несобранный урожай и переселиться на североуральские походяшинские заводы.

Посланные в район волнений воинские команды так и не смогли усмирить крестьян. Через пять лет сделка Всеволожского и Походяшина была признана Сенатом незаконной. Екатерина II вынуждена была повелеть расторгнуть ее и «вернуть все в первобытное состояние».

В 70-х годах XVIII века Сивинское хозяйство по наследству отошло адъютанту Великого князя Никите Всеволожскому, дочь которого впоследствии была выдана за помещика Сатина. Супруги Сатины имели двух дочерей — Елену (оставшуюся старой девой) и Екатерину. После смерти отца Елена с матерью продали часть своего имения и выехали из Сивы южнее, в свое бывшее дачное местечко. Так возникли два имения: Екатерининское и Еленинское. На месте последнего сейчас располагается село Ленино и центральное отделение совхоза «Ленинский». Село Екатерининское входит теперь в Сивинский район.

Вознесенское длительное время было селом с тремя церквями, расположенными в линию с запада на восток. В центре, около

волостного правления, недалеко от правого берега Лысьвы, возвышался своей колокольной кирпичный православный храм. На восточном краю села стоял моленный дом старообрядцев, а между ними, у торговой площади, — вместительная деревянная церковь единоверцев. Каждая из церквей имела свой приход. В старообрядческую шли выходцы из Подмосковья, в единоверческую — бывшие нижегородцы.

Работало в селе и двухклассное земское училище, попечительницей которого была помещица Елена Сатина. Ее заботы о просвещении ограничивались годовым 100-рублевым взносом на нужды училища и устройством новогодней елки для детей в рождественские каникулы.

В округе Вознесенское славилось своими ярмарками, купеческими бакалейными, галантерейными и другими лавочками, но главным образом — церквями разного вероисповедования. Каждое воскресенье и в религиозные праздники сюда собирались на богомолье толпы людей из окрестных деревень. Летом они шли босиком, а свою праздничную обувь (мужчины — сапоги, женщины — высокие закрытые ботинки с ушками и резинками по бокам) из бережливости несли через плечо и надевали только перед селом, у околицы.

О нравах крестьян тех лет наш знаменитый земляк Ф. А. Волегов подробно рассказал в своих книгах «Пермяки» и «Остатки древностей в Пермской губернии».

Помещица Елена Сатина хозяйство вела расчетливо и грамотно. Более 600 десятин пахотной земли, тучные луга, богатые леса и судьбы сотен крестьян из окрестных деревень оставались в ее руках и после отмены в 1861 году крепостного права. Обработку земли, сенокос, уборку урожая в имении помещицы крестьяне делали в первую очередь, а уже потом принимались за клочки своих наделов.

«Взяв серпы, мы с девчонками рано утром бежим к Сатиной жать, — рассказывала жительница села Вознесенского Е. П. Балужева. — Жнем до вечера, без обеда, а потом идем за расчетом. Помещица выдавала нам по 20 копеек без проверки работы».

В поле у нее был надежный управляющий Алексей Тюнин, которому она доверяла во всем. Этот жестокий человек не щадил никого и наказывал даже за малую провинность.

Из воспоминаний Е. П. Качеговой нам известно, что Сатина имела также большую ферму крупного рогатого скота и 150 коров улучшенной тагильской породы. Зимой и летом отсюда отправлялось в губернский магазин знаменитое «парижское» масло, сделанное руками сарапулковских, евсинских и вознесенских батраков. На интендантские склады поступали сатинский хлеб, кожи, мясо. За это помещица получала большие деньги и своим постоянным работникам платила по 5 рублей в месяц.

Сатина была горячей защитницей веры, возглавляла попечительство Вознесенской православной церкви, была ее неперменной посетительницей каждое воскресенье и во все праздники. «Барышня Елена» любила при этом показать себя. Нарядные шлеи и дуги на холеных рысаках звенели бубенчиками. Прибытие к церкви местной знати — помещицы Сатиной и зюкайского заводчика Постникова — совершалось одновременно, как по договоренности.

Особенно торжественным бывал приезд в Вознесенское архиепископа. Прибывал он в имение Сатиной, а в день богослужения вместе с помещицей на разукрашенных парах лошадей с колокольчиками под дугой подкатывал к церкви. Богомольцев в этот день собиралось особенно много. Выстраиваясь по обе стороны дороги, они встречали архиепископа низкими поклонами.

В церкви барыня становилась впереди народа, перед алтарем, архиепископ проходил в алтарь и начинал службу...

Пруды и мельницы на реке Лысьве дали жизнь и другим населенным пунктам будущего Верещагинского района. Так, уже в документах 1800 года упоминается Лысьвенская (Зюкайская) мукомольная мельница и деревня при ней. В 1828 году сюда из Никитинского (Майкорского) завода Всеволожских был переведен крепостной Г. Н. Постников, сын которого впоследствии построил здесь механический маслобойный завод и стал его владельцем.

В 1909 году 66 рабочих этого предприятия перерабатывали 16 тонн льняных семян в сутки. Олифа из них варилась в четырех чанах прямо на берегу реки. До электричества завод имел механический привод от местной водяной мельницы. В 1903 году деревня эта уже именовалась Зюкайка, возможно, из-за близости древнего села Зюкай на реке Обве. (С материалами по истории рабочего поселка Зюкайка, второго в районе по численности населения, можно ознакомиться в местном школьном краеведческом музее, созданном под руководством Л. М. Сенникова).

Недалеко от села Вознесенское, с левой стороны в Лысьву впадает речка Козловка. Местный купец Катаев построил на ней пруд и разводил в нем на продажу рыбу. Вся торговля в волостном центре находилась в его руках. До сих пор торговый комплекс райпо в старой части Вознесенского размещается в бывших магазинах купца Катаева.

Мукомольные мельницы строились также в верхней части Лысьвы, на реке Сепыч и их притоках. Есть основание полагать, что благодаря им росли деревни Зарич, Усть-Сепыч и другие населенные пункты нашего района.

Таков краткий исторический очерк заселения нашего края. К середине прошлого века он представлял собой сельскохозяйственную вотчину помещиков Строгановых, Всеволожских, Сатиных, процветающих промышленников Постниковых, купцов Катаевых

и других. Все они наживались на природных богатствах края и подневольном труде народа.

Среди множества повинностей для крепостных Строгановых и Всеволожских самым тяжелым был так называемый посылочный зачет. Крестьяне отбывали его на соляных промыслах в верховьях Камы или сплаве леса. Соль отправлялась водным путем вплоть до Нижнего Новгорода. От Казани вверх по Волге крепостные, преодолевая течение, тянули караваны барж бурлацким способом. Некоторые из «посылочных» не возвращались в родные деревни, гибли в пути.

Людьми торговали наряду с имуществом. Так, в газете «Пермские губернские ведомости» за 12 декабря 1858 года было напечатано сообщение: «Петербургский опекунский комитет объявляет о продаже с аукциона имущества, принадлежащего действительному статскому советнику Никите Всеволодовичу Всеволожскому, и среди этого имущества 3907 душ мужского пола».

Известно также, что этот крепостник Всеволожский в 1860 году «за непокорность» затравил собаками девятнадцатилетнего дворового крестьянина Софрона Макарова. Это его брат, Иван Макаров, написал стихи до сих пор популярной песни «Однозвучно гремит колокольчик». И самородный поэт Иван Макаров, и отец его — оба ямщики конвойной роты — замерзли в зимнем обозе.

По крестьянской реформе, объявленной Манифестом от 19 февраля 1861 года, бывшие крепостные получили личную свободу и право распоряжаться своим имуществом. В остальном же реформа защищала права помещиков и продлевала зависимость от них крестьян. Вскоре положения Манифеста были распространены на удельных и государственных крестьян.

За пользование отводимой им помещиками землей крестьяне должны были длительно отбывать барщину или платить оброк. Они в течение 49 лет, по 6 процентов ежегодно, обязывались выплачивать выкупные платежи. Только революционные события 1905—1907 годов прекратили для них эту кабальную обязанность. Но пережитки крепостного права — помещичье землевладение, отработки, чересполосица, отрезки и другие — в Прикамье, как и по всей России, сохранились вплоть до октября 1917 года.

До отмены крепостного права в Оханском уезде проживали владельческие (помещичьи), государственные и удельные (дворцовые) крестьяне. Последние из них были, в основном, в Частинской волости, а владельческие крепостные составляли в уезде подавляющее большинство. Оханский уезд был отнесен к нечерноземной полосе, и по реформе 19 февраля 1861 года его крестьяне должны были получить в надел по 6 десятин земли на душу. Однако это был высший размер надела, а в действительности он опять же зависел от воли помещика. Если у последнего оставалось меньше  $\frac{1}{3}$  всей его прежней удобной земли, то надел каждого

крестьянина соответственно уменьшался или «отрезался». Обычно в такие отрезки входили участки, крайне необходимые крестьянам (сенокосы, выгоны и т. д.), что заставляло их арендовать отрезки, зачастую — на кабальных условиях длительной отработки.

Следует также сказать, что при реформе 1861 года пострадали многие бывшие крепостные, приписанные к Очерскому, Павловскому и другим заводам для обслуживания, работы на лесных дачах и т. д. Администрация жупольнически объявила их мастерами, которым земельный надел не полагался.

✓ Отмена крепостного права коренным образом изменила привычный образ жизни крестьянина. Капиталистический уклад все сильнее вторгался в наши деревни, шло классовое имущественное расслоение общин. К 90-м годам XIX века бедняки в Оханском уезде составляли в среднем 53 процента, середняки — 35, кулаки — 12 процентов.

В Вознесенской волости на 1445 хозяев приходилось 2031 рабочая и 653 нерабочих лошадей. Более половины крестьян (57 процентов) брали кредиты на покупку продовольствия и семян для посева, 15,7 процента — на покупку скота, 2 процента — для торговых операций, 5 процентов — на строительство. Значит, большинство крестьян прибегали к помощи кредита в связи с нуждой. Меньшинство, то есть зажиточная часть, брало, как правило, довольно крупные ссуды, которые использовало на расширение своей торговли, покупку сельхозмашин, скота, на строительство, а также для приобретения земли и выкупа наделов. Кредиторами были все те же помещики или различные процветающие ростовщики. Для выдачи ссуд на покупку земли в губернии существовало также отделение Крестьянского поземельного банка, которое взимало от 7,5 до 8,5 процента годовых. Ясно, что пользоваться его услугами могли только зажиточные крестьяне, так как цена одной десятины земли доходила до 136 рублей.

В Сепычевской волости было немало однолошадных и безлошадных хозяйств. Многие из крестьян являлись здесь сдатчиками своей земли в аренду. В этой волости широко применялся наемный труд сезонных работников, которых в основном использовали крепкие хозяева, имевшие большое количество рабочих лошадей. Всего здесь насчитывалось 1019 хозяйств, 204 из которых занимались скупкой и продажей ржи.

Интересные сведения дает «Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда», изданное в Перми в 1890 году. Здесь говорится, что в 9 волостях уезда в этот период 103 крестьянина скупали и продавали пшеницу, 394 — ячмень, 3232 — овес, 3793 — льняное семя, 241 — горох, 338 — сено. Однако многим семьям приходилось покупать семена и продовольствие для себя. Так, 387 хозяйств покупало рожь на семена, 760 — ячмень, 840 — овес, 45 — пшеницу, 101 — горох.



Для своего питания 554 хозяйства покупали рожь, 217 — ячмень, 221 — овес. В крестьянских хозяйствах этих волостей насчитывалось 1046 наемных сезонных рабочих (в том числе 331 женщина). Больше всего их было в Сепычевской и Вознесенской волостях.

В случае недостатка рабочей силы в период уборки и обмола урожая зажиточные крестьяне прибегали к помочам, то есть к однодневному найму односельчан на работу за хорошее угощение с выпивкой. На помочах соглашались работать преимущественно бедные крестьяне. В 9 волостях Оханского уезда в 1890 году в помочах участвовали почти 72 тысячи человек, причем около  $\frac{2}{3}$  их приходилось на Вознесенскую и Сепычевскую волости. Более 500 человек постоянно батрачили в чужих хозяйствах, 1975 семейств получали средства существования от сельскохозяйственных работ по вольному найму, 1500 хозяйств были в постоянном долгу у богатых и обрабатывали эти долги.

В конце 90-х годов прошлого века связь крестьян Оханского уезда с землей значительно ослабела. Уже 3,3 процента их дворов оказались безземельными. Особенно много таких было в общинах с меньшим душевым наделом. Там, где душевые наделы были сравнительно большие, земледелие велось хищнически — навоза на удобрение обширных полей не хватало, истощенную землю оставляли под залежь. В хозяйствах с меньшими наделами органические удобрения (главным образом, конский навоз, если он, конечно, имелся) использовали чаще. Безлошадные крестьяне (9,7 процента хозяйств) для обработки земли вынуждены были нанимать работников, имевших лошадей и инвентарь.

Процесс обеднения и пролетаризации крестьянства в деревне был очевиден. Кандидатами в безземельные становились те, кто сдавал свою землю другим крестьянам, чаще — без всякого вознаграждения, лишь за обязательство съемщика уплачивать все повинности, приходящиеся на этот надел. Крестьяне, которые обрабатывали лишь часть своей наделной земли, а остальную сдавали в аренду, тоже находились на грани пролетаризации. Они сдавали свою землю совсем не потому, что у них ее было много, а из-за бедности: поле нечем было ни обрабатывать, ни засеять, хотя наделы и были небольшими.

Арендаторами наделов являлись состоятельные хозяйства, которых было на 36 процентов меньше, чем сдававших землю. Это свидетельствовало о тенденции концентрации наделной по реформе земли в руках немногих. До  $\frac{2}{3}$  безземельных крестьян уходило в города, где они пополняли промышленный пролетариат, остальные — оставались батрачить в деревне.

В пореформенной деревне развивалось имущественное и классовое неравенство крестьянства. Одни — разорялись, теряли средства производства (в том числе землю) и превращались в наемных работников, другие — концентрировали в своих руках сред-

ства производства и становились сельскими капиталистами. В волостях Оханского уезда формировались крепкие кулацкие хозяйства, которые занимались скупкой и торговлей хлебом. Однако в целом в наших деревнях преобладало в тот период мелкотоварное, бедняцкое хозяйство.

В этот период внедрялась в жизнь края и Земская реформа 1864 года. Созданные по ней губернские и уездные земские собрания и соответствующие им земские управы стали органами местного самоуправления.

Скудные средства земского бюджета делились на расходы «обязательные» и «необязательные». К первым относились дорожная, квартирная и подворная повинности, падавшие, главным образом, на крестьянство, а также содержание гражданских управлений, тюрем и мировых судов. Расходы на здравоохранение и народное образование считались «необязательными».

На территории Вознесенской, Сепычевской, Путинской и Старо-Путинской волостей в то время совершенно отсутствовала какая бы то ни было постоянная медицинская помощь населению. По этой причине была частая заболеваемость и высокая смертность крестьян. Церковные книги регистрации умерших, хранящиеся сейчас в архиве Верещагинского отдела загса, в графе «причина смерти» содержат в основном записи такого типа: «умер от нутряной болезни» или «умер без причины».

Однако, несмотря на всю сложность развития, земское движение было прогрессивным явлением и особенно активизировалось к концу 80-х годов, когда в нем приобрела влияние служащая интеллигенция, среди которой были либералы, народники и даже социал-демократы. Земские учреждения активно занимались развитием школьного дела, налаживали оспопрививание, на что расходовались почти все средства их бюджета. К этому периоду относится массовое открытие начальных сельских школ в волостях Пермской губернии и подготовка учителей для них.

В нашем крае первая земская школа появилась в селе Путине. Основателем ее, как и местной библиотеки-читальни, стал известный в России просветитель Петр Иванович Макушин, который происходил из семьи псаломщика Путинской церкви. Покинув родные места, П. И. Макушин не порвал с ними связь. Он-то и пожертвовал Оханскому земству большую сумму денег на создание школы и библиотеки-читальни, которые были открыты в 1876 году и были первыми во всем Сивинско-Сепычевском крае.

К 1880 году земские школы были открыты в 248 самых крупных волостях Пермской губернии. Появились одноклассные (с одним учителем) трехклассные школы и в центрах наших больших волостей — Вознесенской и Сепычевской. Однако школа в селе Вознесенском длительное время не имела своего здания и размещалась в частном доме. Лишь через много лет, когда она

стала уже двухкомплектной и четырехклассной, ей отвели место на втором этаже построенного здесь волостного правления.

## НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

↓ События конца XIX века коренным образом изменили патриархальную жизнь нашего края. Главным из них стало строительство железной дороги.

В 1894 году Министерство путей сообщения приняло решение о строительстве Пермь-Котласской железной дороги. Основная цель ее прокладки состояла в том, чтобы дать выход сибирским хлебным грузам на внешний рынок не только через балтийские порты, но и Северную Двину (Архангельск), а кроме того — благоприятствовать развитию экономики Урала. Строилась она на средства казны и спешным порядком. Работы начались еще до завершения изысканий, поэтому часть труда затрачивалась впустую, а дорога оказалась технически несовершенной.

При проектировании Пермь-Котласской железной дороги руководящим подъемом ее вертикального профиля был принят 8-тысячный (то есть на 1000 футов горизонтального пути подъем его по вертикали должен был составлять не более 8 футов, или на 1000 метров — не более 8 метров). По сравнению с Горнозаводской линией, это составляло облегчение профиля на 4 тысячных и должно было повысить пропускную способность новой магистрали. Однако прокладка ее по холмистой местности Прикамья требовала дополнительных строительных затрат.

По первоначальному проекту была предусмотрена трасса, состоящая из девяти дистанций: Пермь—Шабуничи—Нытва—Очер—Кленовка—Дебесы—Балезино—Глазов—Вятка—Котлас. Управление второй дистанции планировалось расположить в Очере, где намечалось построить крупную станцию, а в районе местной больницы — вокзал и депо. Документы рассказывают, что в составе руководителей строительства второй дистанции были: ее начальник — инженер А. Р. Плетцер, инженер-технолог И. Ф. Разманит, инженер А. В. Стулапов, а также техники Л. М. Николаенко, Е. В. Пешек и П. П. Есаулов.

Однако бюрократическая администрация Очерского завода не проявила заинтересованности в железной дороге. Местный старожил В. П. Чудинов вспоминал об этом так: «Строительная комиссия попросила правление Очерского завода дать временные квартиры для своих сотрудников, но член правления Власов ответил, что граф Строганов не нуждается в железной дороге. Тогда один из инженеров комиссии — Мелентьев — в сердцах перечеркнул в проекте намеченную через Очер трассу».

Существуют также рассказы свидетелей и очевидцев о том, что причиной этому явился скандал в доме члена правления заво-

да А. Я. Власова. 21 ноября 1894 года (по старому стилю), отмечая церковный праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, подвыпившие инженеры-проектировщики Кузнецов и Бах учинили там дебош. Управляющий заводом оскорбительно обругал их за это. Тогда обидевшиеся железнодорожники заявили, что очерцы будут теперь за 25 верст «киселя хлебать» и не раз еще вспомнят их.

Разумеется, что подобный инцидент, как и непредоставление квартир в Очере, не могли быть главными причинами изменения первоначального проекта. В основе его, по-видимому, консервативность администрации Очерского завода и ее нежелание отдать земли графа Строганова под дорогу, которая наносила удар по почти дармовому подвозу сырья гужевым транспортом. Все это привело к тому, что магистраль от Перми после станции Шабуничи была направлена на север и пошла по «казенным землям».

Новое направление трассы по сложному рельефу холмистой гряды вместо прикамской равнины значительно усложнило строительство. При руководящем подъеме 8 тысячных дорогу пришлось поднять на Григорьевском перевале на 150 метров. На территории Вознесенской волости нужно было преодолеть немалые Кукетский и Зюкайский перевалы. Все это привело к дополнительным затратам казенных средств. Но издержки были легко списаны, так как строительством руководил Быховец — близкий родственник министра финансов.

В 24 километрах севернее Очера, на землях Губановской крестьянской общины, было намечено строительство крупной станции, которая в соответствии с первоначальным проектом некоторое время называлась Очерской и, как уже догадывается пронычательный читатель, впоследствии стала именоваться Верещагино.

На строительстве дороги, которое началось в 1895 году, было занято огромное количество пришлых рабочих. По договору с подрядчиком они ехали из деревень Вятской, Пермской, Казанской и даже Калужской губерний. Это были крестьяне-отходники из бедняков, то есть те, которые не занимались хлебопашеством: либо из нежелания, либо имея клочки неудобренной и неухоженной земли. Соблазнившись, по их мнению, «хорошей ценой», они ехали на земляные работы, заготовку шпал и другие работы. Многие из них окончательно рвали связь с деревней и становились рабочими. Участниками строительства было немало крестьян-отходников из волостей Оханского уезда.

В районе стройки новой станции находилась безлесная болотистая возвышенность между соседствующими деревнями Верхнее и Нижнее Губаново. Чуть в стороне, у западного ее склона, была третья деревушка — Сергеевка. Рабочие называли эту возвышенность Лысая Гора.

Строители располагались здесь «цыганским табором», приехав на своих лошадях, с семьями и домашним скarbом, оставив дома лишь немощных стариков и старух. Спали на телегах или под ними. Днем мужчины копали землю, женщины отвозили ее на указанное место, варили пищу, подростки нянчились с грудными детьми. Жизнь, работа и условия труда были почти каторжными, а оплата — ничтожная. Однако неурожаи 90-х годов и голод в деревнях удерживали здесь крестьян.

Строительство было завершено уже через четыре года после его начала, и первый поезд через станцию Очерская проследовал 1 января 1899 года. Через месяц с небольшим, 8 февраля, был открыт для сквозного движения и Камский железнодорожный мост. Пермь-Котласская железная дорога была подсоединена к ранее построенной линии Пермь—Тюмень, проходящей от Перми до Екатеринбурга по Горнозаводской ветке. Таким образом, Сибирь получила еще один выход в центральные губернии России.

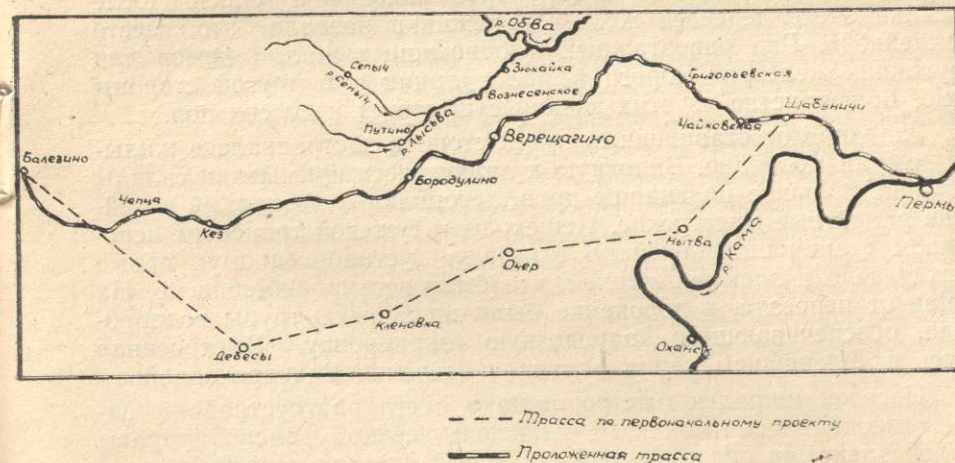
Однако новая дорога оказалась технически несовершенной, несмотря на большое количество насыпей и выемок. Уже вскоре после сдачи ее в эксплуатацию пришлось начать переустройство некоторых наиболее сложных участков. Среди других была изменена и трасса от Черномясовского переезда до разъезда № 29 (Логиново). Первоначальные участки насыпи видны и по сей день.

Даже в 30-х и 40-х годах путейцы и паровозники вспоминали строителей недобрим словом за перегон Бородулино—Волегово. Насыпь высотой 21,5 метра давала здесь осадку несколько десятков лет. Укреплять ее приходилось ежегодно, и за постоянные небольшие расходы на ремонт она была названа «золотой». Осадка насыпи перед входом в выемку создавала здесь крутой местный подъем, зачастую приводивший к остановке и скатыванию поезда, а при следовании в противоположном направлении — к его саморасцепу или разрыву. Труден для маломощных паровозов был и подъем трассы на участке от разъезда № 30 (Зюкай) до станции Очерской.

Пермский летописец Г. Е. Каменский рассказывал о работе железной дороги в те годы так: «Поезд от станции Очерская до Перми шел 6—8 часов, останавливаясь на один час для обеда. Подкрепившись, пассажиры ехали дальше. Вагоны были оборудованы двухэтажными нарами с вечно расхоронившимися досками. С верхних нар на нижние сыпался всякий мусор, песок, но пассажиры внизу не обижались на такие мелочи.

В Пасху и Рождество поезд останавливался на станциях, где в это время шло богослужение. Машинист, кондуктор и пассажиры шли в церковь. Благословясь у местного попа, они продолжали свой путь».

✓ Вскоре новая станция была названа Вознесенской по имени волостного центра, на территории которого она располагалась. В 1898 году здесь было построено деревянное одноэтажное здание вокзала, и эту дату принято считать временем основания будущего города Верещагина\*. В 1902 году было закончено четырехлетнее строительство типового по тому времени паровозного депо на семь веерно расположенных ремонтных канав, с ручным поворотным кругом. Здесь же предусматривался сначала и ремонт вагонов. Строительство депо вынужденно велось на болотистом месте Лысой Горы, с предварительной забивкой многочисленных просмоленных свай, и стоило немалого труда и больших средств.



Для водозаправки паровозов в районе деревни Сергеевка на местном ручье был построен пруд водоканчки с высокой плотиной, имеющей сливной затвор с подъемным щитом.

Быстро рос и пристанционный поселок, где ставили свои дома рабочие-железнодорожники. На их пожертвования здесь была построена церковь Святого Александра Невского с колокольней. По ней именовался некоторое время и сам пристанционный поселок — Александровский. Рядом с храмом по воскресеньям и базарным дням зашумел рынок. В церковной ограде хоронили с почестями именитых жителей растущего поселка. Остальные смертные обретали покой на Филаевской горе, к северу от станции, где вплоть до конца 30-х годов располагалось поселковое кладбище. Увы, теперь на этом месте — садоводческий кооператив.

\* См.: «Пермская область. Физическая карта для средней школы». Издание ГУГК, 1983 г.

Характерно, что быстро застраивалась лишь восточная от железной дороги сторона. Здесь появились магазины, принадлежащие купеческим семьям Катаевых, Мощениковых, Бояршиновых, а также ларьки созданной на станции железнодорожной потребительской кооперации. Росли первые улицы, которые получили названия Привокзальной, Торговой, Потребительской, Садовой, Дёповской, Очерской. Некоторые из первых зданий нашего города сохранились и до сих пор. Среди них — полукаменные и когда-то добротные двухэтажные деревянные дома вблизи церкви.

Плотную к станции, рядом с привокзальной площадью, уже в начале века был построен ряд одноэтажных и внешне одинаковых служебных зданий и контор паровозников и путейцев. После посадки здесь деревьев железнодорожники назвали это место «Аллею». Ряд одноэтажных и однотипных жилых домов для служащих железной дороги вырос у линии и с другой стороны депо. Большинство из этих зданий существует и до сих пор.

Западная от станционных путей сторона застраивалась жилыми домами медленно. Плотную к линии здесь примыкали склады топлива, большие поленицы дров, лесопилка и различные путейские ремонтные мастерские. Пешеходы и гужевой транспорт пересекали станционные пути по переезду, установленном прямо между депо и электростанцией, что было весьма небезопасно. На запад от переезда, к водокачке были проложены трубы водопровода, обеспечивающего паровозную экипировку. Выстроенная здесь в дальнейшем улица получила название Водопроводной.

Поселок ширился быстро, однако о его благоустройстве заботы проявлялось мало. До Оханской уездной земской управы было далеко, да она и не числила новый поселок достойным внимания. Вознесенское волостное правление считало его для себя чужим, а дёповское начальство занималось только делами железной дороги. Поэтому проезжая часть улиц весной, осенью в непогоду представляла собой сплошное глубокое и долго не просыхающее месиво жидкой грязи, в которой тонули даже ступицы тележных колес. Деревянные тротуары были редкостью.

Особенно удручающий вид имела главная улица поселка — Торговая. Многократные подсыпки ее землей и каменноугольным шлаком привели в дальнейшем к подъему проезжей части почти на высоту крыши паровозного депо. Поэтому в его цехах и днем было сумрачно, как в полуподвале.

Условия труда дёповских рабочих на станции Вознесенской, по дошедшим до нас свидетельствам, были исключительно тяжелыми, с жестокой системой штрафов и наказаний. Н. П. Прозоров в своей книге «На Главном ходу» приводит подробные воспоминания очевидцев, называвших депо «железной каторгой». Однако железнодорожники, в основном бывшие крестьяне, порвав-

шие с деревней, но имевшие в поселке свой домик и огород, терпели унижения администрации, боясь потерять работу.

При рассмотрении обстановки тех лет нельзя не учитывать влияния на вознесенцев рабочих, пришедших на станцию с соседних Очерского, Павловского заводов и Пермских железнодорожных мастерских. В начале XX века строгановские заводы уже находились в стадии упадка и на грани их закрытия. Многие рабочие уходили оттуда на железную дорогу и приносили с собой в новую среду опыт экономической борьбы с хозяевами. К тому же станция Вознесенская стала удобной «перевалочной базой» для доставки запрещенной литературы, листовок и газеты «Искра» из Перми на Очерский и Павловский заводы. Для этой цели использовался постоянный двор, который был недалеко от вокзала, на улице Торговой (ныне — угол улиц Ленина и Карла Маркса). Местные железнодорожники втягивались и в политическую борьбу.

Несмотря на постоянную жандармскую слежку за поведением дёповских рабочих, с 1904 года среди них активно работал марксистский кружок под руководством машиниста Василия Дмитрова. Этот бывший студент Петербургского технического училища был связан с группой РСДРП Пермских железнодорожных мастерских. В его кружок на станцию вошли 9 рабочих. Среди них были машинисты К. Петухов, Н. Вотинов, Балахонов, слесари Бахарев, Божко-Степаненко и другие. Они собирались на квартире Дмитрова, в укомной деревне Поносовка (сейчас это место вошло в юго-западную часть города), где читали ленинскую «Искру», марксистскую литературу и «Русский бюллетень», освещавший ход революционной борьбы на Урале.

Связь кружка с пермскими и очерскими подпольщиками была надежная. В книге «Революционеры Прикамья» (Пермь, 1966 г.) об этом рассказывается так: «Часть нелегальной литературы из Перми поступала... на Очерский и Павловский заводы, минуя почту, которую контролировала полиция. Книжки, газеты, листовки сначала доставлялись по железной дороге на станцию Вознесенская, где передавались надежным людям на квартире рабочего Шардакова. И уже оттуда скрытно переправлялись в Очер. Маршрут этот был громоздкий, но зато менее опасный».

Следует добавить, что доставку такой литературы для кружка Дмитрова и очерских подпольщиков осуществляли машинисты Петухов и Вотинов. Был для этого в Вознесенскую и второй путь: через Оханск — Павловский — Очер.

17 октября 1905 года кружок Дмитрова организовал в депо общую забастовку рабочих. Сигналом для нее стала телеграмма забастовочного комитета пермских железнодорожников, в которой те просили поддержать их и парализовать движение поездов на станции.

По деповскому гудку люди бросили работу и предъявили начальнику депо Климову свои требования. Среди них были: «Установить 8-часовой рабочий день без убавки получаемой нами в настоящее время поденной платы; установить цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия; лечить нас внимательно и без оскорблений; построить мастерские так, чтобы рабочие в них не подвергали свое здоровье опасности; построить по указанию рабочих некоторые приспособления для облегчения работ» (ГАПО, фонд 556, оп. 1, д. 72).

Одновременно с этим на станции действовала группа рабочих во главе с машинистом Н. У. Вотиновым. От имени распорядительной власти они отцепляли паровозы от поездов и отправляли их в депо, якобы для срочного ремонта. Так, в течение суток станция была закупорена составами, и движение на всем участке до Перми полностью парализовано. На следующий день делегация вознесенских железнодорожников приняла участие в многотысячной демонстрации трудящихся губернского центра.

Октябрьская забастовка на станции продолжалась 8 дней и закончилась частичной победой бастующих. Первое организованное выступление этого отряда рабочего класса за свои права придало ему уверенность и стало звеном октябрьской всероссийской политической стачки.

Трудящиеся станции Вознесенская проявили солидарность с забастовочным комитетом Пермских железнодорожных мастерских и в период декабрьского вооруженного выступления мотовилихинских рабочих. Об этом свидетельствует их телеграмма от 8 декабря 1905 года.

После декабрьских событий началась полоса репрессий. 29 декабря 1905 года начальник управления Пермской железной дороги телеграфировал начальникам депо Зуевка, Вознесенская, Чусовская, Тагил: «Известных вам подстрекателей к бывшей забастовке из числа рабочих, служащих, мастеровых, паровозных бригад, а равно всех неявившихся на службу считайте со службы уволенными и к работе не допускайте» (ГАПО, ф. 556, оп. 2, д. 5).

В числе немедленно уволенных оказался поездной кочегар Иван Андреевич Дружинин. В донесении счетовода конторы на имя начальника депо говорилось, что 17 октября 1905 года Дружинин указал мастеру Левитскому на приклеенный на фонарном столбе листок «с редакцией угроз по адресу начальствующих. 15 декабря 1905 года принимал участие в настойчивом требовании об отцепке вагонов от пассажирского поезда № 21. 16 декабря принимал участие в отцепке паровоза от пассажирского поезда № 3» (ГАПО, ф. 556, оп. 1, д. 72).

Начальник Пермской дороги подписал приказ об увольнении наиболее активных участников октябрьской и декабрьской политических забастовок. По станции Вознесенская среди них были:

машинисты Евграф Третьяков, Евгений Вольсов, Федор Якубов, слесарь Божко-Степаненко, телеграфист Василий Суетин, рабочие Василий Борташевич, Иван Нохрин, Константин Вотинов, Владимир Якубов, Иван Протасов, врач Мстислав Слободин, фельдшер Григорий Торунтаев, учитель Алексей Ляпустин, счетовод Павел Кронберг, конторщики Павел Худиллов и Нестеров, весовщик Василий Бабушкин, раздатчик Александр Титов (Архив Пермской железной дороги, 1905 г.). Агитаторы Третьяков и Нестеров, принявшие на себя распорядительную власть в депо, были арестованы.

Вести о революционных событиях на железной дороге и в губернском центре доходили и в деревню. Они, как и поражение России в русско-японской войне, волновали умы крестьян. Известно, что в 1905 году в волостном селе Путино учитель С. И. Бояршинов организовал нелегальный кружок молодежи. Его участники выпускали свой рукописный журнал «Революционная мысль». Полиция впоследствии напала на их след и ликвидировала кружок. Кроме того, в Путино был разогнан съезд крестьянско-демократического союза, а его вожаки П. Скорынин, М. Обухов и Е. Плотников осуждены к трем годам крепостной тюрьмы.

В имение помещицы Елены Сатиной были введены войска. Туда же нагрянули полицейские. Они арестовали братьев Сарапульцевых, Якова и Павла, которые вместе с другими крестьянами убили лесного сторожа В. Губанова и призывали к порубке казенного леса. За это уголовное преступление братья Сарапульцевы были осуждены губернским судом к 12 годам каторжной тюрьмы.

Однако, несмотря на усилие властей навести порядок, деревня волновалась. 29 января 1906 года Оханский уездный исправник докладывал: «В Вознесенской, Старо- и Ново-Путинской волостях, где благодаря усиленной агитации волостного писаря Плотникова, учителя Скорынина, крестьянина Киркина, поддержанных учителем, известным революционером Ягодниковым, крестьяне вышли совершенно из повиновения и открыто отказываются подчиняться властям, собираются соединенными сходками, на которых постановляют приговора об увольнении полиции, лесной стражи, не принимать к себе ни полиции, ни войска» (ГАПО, ф. 65, оп. 3, д. 93).

Обеспокоенные размахом революционного движения, губернские, уездные, волостные власти и жандармерия брали под гласный и негласный надзор любого интеллигента или авторитетного рабочего. Были запрещены мероприятия даже развлекательного характера. 28 декабря 1906 года начальник службы пути А. Колмогоров писал помощнику начальника 12-го участка пути: «Постановлением Пермского губернатора от 16 ноября с. г. начальник участка 12 инженер Плетцер оштрафован на 100 рублей за устрой-

ство 5 ноября с. г. на станции Вознесенская семейно-танцевального вечера без испрошения на то предварительного разрешения как на устройство, так и на распространение о нем афиш» (ГАПО, ф. 556, оп. 2, д. 1).

А. А. Кузнецова рассказывала о том, как 11 жандармов избивали группу вознесенских, очерских и павловских рабочих, собравшихся у Вознесенской водокачки.

Два с половиной года продолжались революционные события. Они выявили в нашем крае, как и по всей России, огромное число желающих активно участвовать в политической борьбе. Позже первая русская революция была названа генеральной репетицией грядущего свержения царизма и Октября 1917 года. В ходе ее, по выражению В. И. Ленина, «нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции» (ПСС, т. 17, стр. 361). Какими неисчислимыми жертвами обернулось это для России впоследствии, мы теперь знаем.

Лишь летом 1907 года власти вновь овладели положением. Однако и в эти годы активная политическая работа социал-демократов на железной дороге не прекращалась. Именно в это время, спасаясь от преследования полиции, в Вознесенском депо два года работал слесарем Алексей Петрович Бондин (1882—1939), в будущем — один из зачинателей советской литературы на Урале. На станции Вознесенская в те годы появилось немало и других, новых фамилий борцов.

Однако не следует думать, что к тому времени большинство вознесенских железнодорожников уже стали носителями идей революционного разрушения. Член Пермского комитета РСДРП, его окружной организатор, профессиональный революционер А. В. Семченко позже вспоминал: «Однажды я ездил в Вознесенскую проводить массовку рабочих-железнодорожников. Она прошла успешно. В обратный путь рабочие устроили меня на паровоз, сказав машинисту, что с ним едет слесарь из Чусовского депо. Всю дорогу машинист изливал мне свою злобу на революционеров, говорил, что своими бы руками задушил любого «политического», случись с ним встретиться один на один. Я слушал его и с трудом сдерживал улыбку, представляя, какие глаза были бы у машиниста, узнай он, кого везет».

Сплочение деповских рабочих вокруг революционных идей во многом было связано с именем уполномоченного Пермского комитета РСДРП Юлия Викентьевича Рудого (1887—1937), имевшего уже богатый опыт революционной борьбы на Урале и в Сибири. Он прибыл на станцию Вознесенская в 1908 году. Изогненно используя возможности легальных форм работы, Рудой продолжал готовить железнодорожников к предстоящим классовым боям. Для этой цели он использовал, например, самодеятельность народного дома и добровольную пожарную команду. Созданные

и руководимые им, они были на станции школой не разрешенной законом политической организации людей и давали возможность связи с Пермским комитетом РСДРП. Рудой вскоре стал признанным вожаком наших рабочих-железнодорожников.

Вместе с ним немалый вклад в революционное воспитание трудящихся сделали Василий Дмитриев, Николай Вотинков, Петр Ярославцев и другие. Об их революционной деятельности в тех условиях, по воспоминаниям очевидцев, подробно рассказал в своей книге Н. П. Прозоров.

История тех лет связала судьбу станции Вознесенская с именем известного русского художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина (1842—1904). Своим творчеством он страстно пропагандировал идеи антимилитаризма, изображал на полотнах жестокие и кровавые будни войны, страдания, которые она несет простому народу.

В феврале 1904 года, желая быть очевидцем событий русско-японской войны, В. В. Верещагин ехал на Дальний Восток. На станции Вознесенская его служебный вагон был отцеплен для ремонта, и художник провел здесь более суток. В эти часы его походный альбом пополнился зарисовками проводов солдат, мобилизованных на войну, и несколькими эскизами на местные темы.

Трагическая гибель выдающихся русских интеллигентов В. В. Верещагина и вице-адмирала С. О. Макарова (1849—1904) при подрыве на mine броненосца «Петропавловск» 13 апреля 1904 года у берегов Порт-Артура глубоко болью отозвалась в сердцах русских людей. Весной 1914 года, в 10-летнюю годовщину этого печального события, вознесенские рабочие и служащие обратились с ходатайством о присвоении станции имени любимого народом художника. Через год на это последовало высочайшее разрешение, и с 30 апреля 1915 года наша станция и поселок при ней называются Верещагино.

События последующих лет показали, что верещагинцы достойны имени этого замечательного человека.

В начале века появились и первые школы нового поселка. Так, в 1902 году недалеко от церкви открылась одноклассная школа. Осенью 1908 года в одноэтажном деревянном здании, построенном на привокзальной аллее, начала работать первая школа грамоты для детей железнодорожников. Ее посещали 72 ученика. Инициатором открытия обеих школ стал священник местной православной церкви Григорий Александрович Орлов.

Продолжить образование можно было в земской гимназии уездного города Оханска, но редко кто из верещагинцев мог воспользоваться такой возможностью.

Революционные события 1905—1907 годов подтолкнули самодержавие к поиску путей преобразования жизни в России. Указом от 9 ноября 1906 года в стране была объявлена аграрная реформа,

получившая название столыпинской по имени ее инициатора и руководителя — Председателя Совета Министров Петра Аркадьевича Столыпина, верного сына своего Отечества, желающего видеть Россию великой и процветающей. Главным содержанием новой реформы было то, что «крестьяне приобретают право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению участков из мирского надела».

Организаторы реформ предвидели «практические затруднения» в их проведении и то, что у части крестьян возникнет недовольство, но они видели и то, что со временем эти реформы обернутся благом для России. «Наши реформы для того, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в русских национальных началах», — говорил П. А. Столыпин. В своей речи к Государственной Думе 16 ноября 1907 года он призывал: «Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгуйте черной работой вместе с правительством».

К сожалению, П. А. Столыпин не сумел претворить свои замыслы в терзаемой террористами стране. В расцвете таланта государственного преобразователя он сам пал от рук террориста 8 сентября 1911 года.

Создание хуторов и нарезание отрубов землеустроительными комиссиями в нашем крае, как и во всей России, если верить советским историкам, делалось с нарушением интересов крестьян, оставшихся в общине, так как выходящим из нее в качестве поощрения выделялись лучшие земли... Это приводило к обострению обстановки в деревне. Беднота и середнячество всячески сопротивлялись такому «землерасстройству», начиная от изгнания землемеров и поломки их инструментов и кончая «землеустроительными бунтами».

✓ Не уничтожив общинного землевладения, столыпинская аграрная реформа укрепила сильные хозяйства, дав им возможность не только арендовать, но и покупать землю. Она привела к дальнейшему неизбежному расслоению крестьянства, продаже клочков земли разорившимися, их уходу в батраки или в город. Усилилась борьба завистливой части деревенской бедноты против крепких хозяйств, в том числе против «новых помещиков» — хуторян и отрубщиков. Нередки были и случаи их поджогов.

✓ Преждевременная смерть П. А. Столыпина, а затем вспыхнувшая в 1914 году мировая война помешали развить и осуществить реформу.

Он пробыл у власти пять с половиной лет, идеи его не успели пустить корни достаточно глубоко, они не вошли в плоть и кровь русского народа, и, когда его не стало, все здание, возводимое его руками, рухнуло.

✓ Реформа не внесла существенных изменений в земледелие нашего края. Несмотря на предоставленные льготы, в том числе и по ссудам Земельного банка, во всей Пермской губернии хуторные и отрубные участки были выделены только 6895 хозяевам, а площадь отведенной им земли составила всего 127 тысяч десятин. В то же время площади посева только основных культур в губернии составляли 2,4 миллиона десятин. При этом хутора получили вдвое меньшее распространение, чем отруба.

В волостях Оханского уезда, расположенных на территории нынешнего Верещагинского района, хуторов выделились единицы. Большинство из них — в Сепычевской волости. Организация хозяйства на хуторах и отрубях требовала значительных средств и для основной массы крестьянства была разорительной. Число зажиточных отрубей и хуторов во всем уезде было сравнительно ничтожным.

«Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914 год» сообщает, что в этот период в волостях Оханского уезда земель, неудобных для сельскохозяйственного использования, было 6,6, удобных — 93,4 процента. Из них пашня и леса занимали по 39,7 процента, покосы — 6,7, усадьбы, выгоны, залежи, кустарник составляли 7,5 процента.

У казны и частных владельцев пахотной и сенокосной земли было сравнительно немного. Сами они занимались земледелием мало и сдавали свою землю в аренду.

Особенностью земледелия здесь было то, что оно почти наполовину (48 процентов) велось на удворной земле, то есть огороженной. Обработка ее шла по трехпольной системе (пар, озимые и яровые). Этот севооборот носил ярко выраженное зерновое направление, сочетающееся с животноводством, кормовой базой для которого служили естественные луга. Почвенное плодородие крестьяне восстанавливали в паровом поле, куда осенью высевали озимую рожь.

Сельскохозяйственная техника находилась на невысоком, но естественном для своего времени уровне. В начале XX века у некоторых богачей начали появляться двухкорпусные плуги. Посев и уход за ним проводились вручную. На уборке урожая жнейками и сноповязалками иностранного производства пользовались только в хозяйствах весьма зажиточных крестьян. Бедняки и середняки применяли на уборке ручные косы-литовки.

Снопы обмолачивались цепями, конными катками, а также с помощью ручных и конных молотилок. Зерно очищали «на ветру», редко — веялками. Популярностью пользовались ручные молотилки Очерского завода («очёрки»).

Большинство крестьянских хозяйств в уезде были экономически слабыми. Не хватало лошадей, часто — рабочих рук. Крестьяне в основном не имели даже минимума научных агрономических

знаний. Случались неурожай и гибель посевов из-за неблагоприятных погодных условий (например, в 1908 и 1909 годах).

И все же производительные силы деревень Оханского уезда, хотя и медленно, развивались. Росло производство сельскохозяйственной продукции. Если в среднем в 1891—1900 годах урожайность зерновых составляла 46,5 пуда (7,44 центнера), то в 1901—1910 годах — почти 53 пуда (8,5 центнера) с десятины. В благоприятные же годы она достигала 100—120 пудов (16—19,2 центнера).

В волостях Оханского уезда почти ежегодно (за исключением самых засушливых лет) были излишки своего товарного хлеба. Крестьяне поставляли его на внутригубернский и даже общероссийский рынок. Зерно, муку и крупу на рынок поставляли крестьяне двух крайних социальных групп: кулаки (большую часть) и бедняки (меньшую часть, хотя их самих, в количественном отношении, было больше примерно в 4,5 раза). Кулаки сбывали излишки с целью наживы, а бедняки продавали хлеб для того, чтобы уплатить налоги и приобрести минимум необходимого в хозяйстве. В результате беднякам (а в нашем крае было 7919 бедняцких дворов), как правило, хлеба до нового урожая не хватало. За этим следовали новые кредиты, долги, отработки.

За аренду десятины земли крестьянин платил до 12 рублей. И чем бы он ее ни засеивал, доход его двора в течение года составлял в среднем 149 рублей. В расчете на 5 членов семьи получалось по 2 с небольшим рубля в месяц на едока.

А что можно было купить на эти деньги? Мужские ботинки стоили тогда 12 рублей, калоши — 2 рубля 50 копеек, костюм — 40 рублей, часы — 10 рублей. Крестьянину-бедняку оставалось одно — лапти и домотканая рубаха.

В поисках заработка крестьяне Путинской, Денисовской и Вознесенской волостей зимой занимались извозом. На станции Бородулино до революции все 20 хозяйств в зимнюю пору тоже превращались в извозчиков. От Воткинского завода до этой станции 120 верст. В любую стужу, в метель шли по дороге груженные обозы. За каждый доставленный пуд груза крестьянин получал 16 копеек (ПАПО, фонд 261).

Лошадь была единственной опорой, надеждой и кормилицей крестьянской семьи. Надельная и усадебная земли полностью обрабатывались лошадьми. Поэтому неудивительно, что более половины пашни засеивалось овсом, а не рожью и ячменем.

Соха оставалась основным орудием обработки земли в нашей деревне. Ничего мало было сеялок, сенокосилок, жнеек и молотилок. Их могли приобрести только зажиточные крестьяне, либо покупали вскладчину несколько хозяйств. Так, молотилка-«очерка» стоила, например, 110—130 рублей (в зависимости от числа рядков).

В поисках заработка и средств существования крестьяне уходили в город, на шахты, сплав, железную дорогу. В каждой волости велик был процент нищенствующих. Отхожими промыслами, то есть занятиями, удаленными от места жительства, занимались многие. Так, число крестьян-отходников, работавших в пределах и за пределами своей губернии, в 1913 году составляло в Вознесенской волости 771 человек, в Путинской — 1020, в Сепычевской — 1084, в Старо-Путинской (Денисовской) — 487 человек.

Красноречивы сведения, помещенные в «Итогах подворной переписи Оханского уезда 1913 года». В соответствии с ними в 117 населенных пунктах Вознесенской волости, где было 2034 хозяйства и проживали 10937 человек, неграмотными были 8568 (из них 3511 мужчин и 5057 женщин). 588 хозяйств были безлошадными, 871 хозяйство имело по одной лошади. Из 22832 десятин общей площади надельной земли удобрялось ежегодно лишь 289. Купчая и арендованная земли не удобрялись.

В 148 населенных пунктах Путинской волости, где было 1391 хозяйство и проживали 6958 человек, неграмотными были 6000 (из них — 2503 мужчины и 3497 женщин). 221 хозяйство было безлошадным, 934 — имели по одной лошади. Из 15848 десятин общей площади надельной земли удобрялось ежегодно лишь 232. Купчая и арендованная земли не удобрялись.

В 234 населенных пунктах Сепычевской волости, где было 2599 крестьянских хозяйств и проживали 11839 человек, неграмотными были 10354 (из них — 4445 мужчин и 5909 женщин). 424 хозяйства были безлошадными, 1598 хозяйств имели по одной лошади. Из 26707 десятин надельной земли ежегодно удобрялось лишь 559. Купчая и арендованная земли не удобрялись.

В 59 населенных пунктах Старо-Путинской (Денисовской) волости, где было 944 хозяйства и проживали 4511 человек, 3772 были неграмотными (1622 мужчины, 2150 женщин), 213 хозяйств были безлошадными, 615 — имели по одной лошади. Из 9418 десятин общей площади надельной земли удобрялось лишь 67. Купчая и арендованная земли не удобрялись.

Все это свидетельствовало о низком жизненном уровне деревни.

В каком положении находились в те годы и рабочие-железнодорожники, судите сами. Вспоминая о своем труде в паровозном депо станции Вознесенская, писатель А. П. Бондин, не без налета тенденциозности, говорил: «С раннего утра и до позднего вечера лишённые солнца, мы стояли у верстаков, пилили, рубили металл, шабрили... Иной раз застонет где-нибудь раненая сталь, ее звонкий голос повиснет в шуме трансмиссий... и умирающе смолкнет. Где-то слышна перебранка рабочих. Она начинается выкриками одиноких голосов, а потом разрастается. Кто-нибудь, подзадори-



вая, свистнет. Этот пересвист режет вечное гудение цеха чем-то острым, дразнящим, пробуждая на время уснувшую ненависть к жизни и тяжкому труду».

Заработок поденного рабочего депо составлял 50 копеек в день. Месячный оклад переездной сторожихи была равен 7 рублям 50 копейкам, ремонтного рабочего, путеобходчика, стрелочника, паровозного кочегара — от 16 до 18 рублей. Помощник машиниста паровоза получал 28 рублей, учитель железнодорожной школы — 35 рублей в месяц. (Архив Пермской железной дороги — АПЖД. Нормы и расценки 1912 года).

В 1912 году бедственное положение рабочих и младших служащих железных дорог обсуждалось в Министерстве путей сообщения. Начальникам дорог было предложено прислать на этот счет свои соображения. Выполняя указание, конторщик главной бухгалтерии Пермской железной дороги Кушев составил примерный бюджет семьи железнодорожного служащего:

«Месячный и неизбежный расход служащего, получающего не свыше 40 рублей в месяц и имеющего семью в 6 человек — само-го, жены, матери и троих детей — состоит из следующих расходов первой необходимости:

- квартира из одной комнаты и кухни — 8 рублей;
- отопление, в среднем 2—3 куб. сажени дров — 3 рубля;
- освещение керосиновое, в среднем — 85 копеек;
- мука-крупчатка, 2 пуда по 2 рубля 45 копеек — 4 рубля 90 копеек;
- мука ржаная, 4 пуда по 1 рублю 30 копеек — 5 рублей 20 копеек;
- мясо, 1 пуд по 7 рублей 20 копеек — 7 рублей 20 копеек;
- крупа разная, 20 фунтов по 7 копеек — 1 рубль 40 копеек;
- картошка, 7 ведер по 10 копеек — 70 копеек;
- молоко, 15 четвертей по 25 копеек — 3 рубля 75 копеек;
- масло скоромное, 3 фунта по 38 копеек — 1 рубль 14 копеек;
- сахар, 20 фунтов по 15 копеек — 3 рубля;
- спички, 2 пачки по 10 копеек — 20 копеек;
- возобновление и ремонт одежды и обуви — 10 рублей.

ИТОГО: 51 рубль 54 копейки.

**Примечание:** квартира — на окраине, маленькая, без всяких удобств. Вся черная работа по хозяйству лежит на обязанности жены. Нанимать прислугу не представляется возможным. Не представляется также возможным платить за нравоучение детей и выписывать какие-либо периодические издания. Приходится жить замкнуто, без всяких развлечений. Пища почти всегда однообразная и малопитательная.

**Вывод:** покрыть таковой расход можно только при благоприятных условиях материального положения и понижения цен на продукты и квартиры.

Конторщик главной бухгалтерии Кушев» (АПЖД, т. 8, стр. 264).

Однако если положение служащего, получающего около 40 рублей, автор этого подсчета (нам трудно судить о степени его объективности) считает бедственным, то какова могла быть тогда жизнь семьи простого рабочего с его небольшой зарплатой? И в России уже с 1910 года нарастала новая волна классового борьбы, подстрекаемой революционными вождями, и национально-освободительного движения.

✓ Атмосфера милитаризации ведущих империалистических держав и подготовки их к войне способствовала этому.

✓ 17 июля (30 июля по новому стилю) 1914 года царь в интересах защиты Отечества от внешнего врага вынужден был объявить всеобщую мобилизацию военнообязанных, а 19 июля (1 августа) на западе страны началось небывалое кровопролитие первой мировой войны.

Из ближних волостей на станцию Вознесенскую под плач женщин и детей понянулись обозы и телеги с призывниками в армию. Из деревень и поселка, с маршевыми ротами запасных полков на фронт уходили эшелоны бывших рабочих и крестьян.

Война тяжелым бременем легла на плечи народа. Местные деревни во многом обезлюдели, лишились работников, нищенствовали. В них процветали только скупщики и торговцы хлебом, кожами, овсом, ростовщики и купцы. Некоторые местные кулаки использовали в своих хозяйствах труд военнопленных. Однако основная масса народа бедствовала и быстро, как и солдаты на фронте, освобождалась от шапкозакидательского угара первых месяцев войны.

✓ К началу 1917 года ужасающе ухудшилось положение трудящихся. Война унесла миллионы жизней, огромное число людей сделала инвалидами и калеками. Тем самым война создала благоприятнейшую почву для активной деятельности революционеров, давно вынашивающих заветную идею сокрушения самодержавия. По стране и губернскому центру прокатилась волна руководимых большевиками стачек под лозунгами борьбы против войны и самодержавия. Все это лишь усугубляло и без того сложное социально-экономическое положение страны, приближая ее к трагической развязке.

## В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

27 февраля 1917 года на станции Верещагино произошел военный мятеж. Здесь остановились все поезда, на вокзале и путях скопилось около двух тысяч солдат. Что происходит, почему остановилось движение — никто не знал. Телеграф охранялся отрядом жандармов.

В тот момент, когда жандармы вышли из помещения телеграфа в свою комнату, вдруг заработал аппарат. Кто-то из солдат-связистов через запертую дверь стал вслушиваться в звуки морзянки, которую отстукивал железнодорожный телеграф. Солдату удалось прочитать сообщение. Он сразу же объявил всем, что в Питере — революция, царь свергнут, к восставшим рабочим присоединились солдаты Петроградского гарнизона.

«Всем! Всем! Всем!...» — снова переводил солдат-связист вторящееся сообщение. На вокзале поднялся шум. Дежуривший на телеграфе Иван Анищенко решил, что возвращаются жандармы, и открыл дверь. В помещение сразу же ворвались железнодорожники и вооруженные солдаты. Еще раз услышав о том, что произошло в Петрограде, они захватили телеграф и разоружили жандармов.

В первые же дни событий губернатор в Перми был отстранен от власти. Она перешла в руки губернского комиссара, назначенного Временным правительством. Одновременно здесь был создан губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако им, как и Советом, избранным железнодорожниками на станции Верещагино, руководили меньшевики и эсеры. И это объясняется многими причинами. Главные из них: связанность большей части рабочих с сельским хозяйством, оторванность от революционных событий центра страны и непонимание их, нелегальное положение большевиков-ленинцев. Поэтому среди верещагинских железнодорожников в тот период верх взяли партийные ячейки эсеров, меньшевиков и анархистов.

В первые дни марта 1917 года на станции, как и повсюду на Урале, был создан комитет общественной безопасности. В его состав вошли 13 человек: 3 слесаря, 3 токаря, машинист, учитель, конторщик, врач, старший кондуктор, заведующий вагонным хозяйством и помощник начальника станции. С помощью рабочих этот комитет обеспечивал порядок на станции и в поселке Александровском. Одним из первых его действий было разоружение местного урядника и всех стражников. Обеспокоенный этим, губернский комиссар Временного правительства срочно направил две телеграммы, в одной из которых предлагал начальнику станции объявить рабочим и комитету свои требования «быть спокойнее, не чинить насилий», а в другой — Оханскому уездному зем-

скому комиссару предписывалось «содействовать такому успокоению».

✓ После событий, происшедших на станции в феврале, смогли выйти из подполья и большевики. Среди них здесь были Яков Бурдин, Петр Ярославцев, Клементий Мамаев и другие. Они разъясняли рабочим программу ленинской партии по вопросам войны, земли и власти. В результате их агитации на сторону большевиков постепенно стали переходить и представители других партийных группировок. Весь предоктябрьский период на станции шла напряженная работа ленинцев по привлечению рабочих на свою сторону, по разоблачению буржуазного характера Временного правительства, не заинтересованного в решении задач большевистской революции.

По заданию Пермской организации РСДРП(б) задачу создания на станции Верещагино партийной ячейки большевиков осуществил Афанасий Петрович Коротких. Он работал здесь с 1908 года сначала электриком, а затем заведующим железнодорожной электростанцией.

✓ 1 июля 1917 года состоялось первое легальное организационное собрание верещагинских большевиков и их сторонников, в котором участвовали около 50 человек. В президиум созданной партийной ячейки были избраны учитель Генрих Ульрихович Боом, конторщик Николай Александрович Нестеров и слесарь Петр Иванович Ярославцев.

✓ Осенью 1917 года в депо была создана боевая красногвардейская дружина в составе 33 человек. В нее вошли рабочие Пискунов, Худорожков, Потапов, Гладких, Подкин, Амонин, Прохин, Авровский и другие.

✓ В это время на станцию вернулся прежний вожак местных рабочих Ю. В. Рудый, который ранее был мобилизован в армию. Вскоре он был избран председателем Верещагинского районного комитета железнодорожников, а затем — председателем Главного комитета Пермской железной дороги. В сентябре 1917 года стачечный комитет дороги под его руководством направил ультиматум Временному правительству, требуя коренного улучшения снабжения железнодорожников продовольствием и обувью. Боясь последствий забастовки на уральской магистрали, правительство вынуждено было удовлетворить требования рабочих. Выступление пермских и верещагинских железнодорожников слилось с сентябрьской стачкой работников транспорта по всей стране.

К осени 1917 года значительно усилилось влияние большевиков на верещагинских рабочих. На их сторону перешли бывшие меньшевики-интернационалисты Рудый, Шильников и Солодилов. Политическая агитация большевиков пополнила их ряды еще 36 рабочими. Позиции и влияние меньшевиков, их вожака И. Чер-

ных, а также А. Тимофеева, Арсения Федорова, Худорожкова, Шайдунова, доктора Курочкиной значительно ослабли.

Весть о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде пришла в Пермь и Верещагино 26 октября. Она с радостью и надеждой была встречена сторонниками большевистской революции. Однако губернские органы свергнутого Временного правительства при поддержке меньшевиков и эсеров не признали новую власть. Лишь беспощадная политическая борьба большевиков при вооруженной поддержке их рабочими и солдатами Пермского гарнизона позволила подавить сопротивление контрреволюции. Руководимый большевиками Первый губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 29 декабря 1917 года объявил себя высшей властью в губернии. 5 января 1918 года состоялся Первый губернский съезд крестьянских депутатов, а 21 января объединенное заседание исполкомов этих съездов избрало губернский исполком Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который в основном состоял из большевиков. Это означало победу Советской власти в Пермской губернии.

В Оханском уезде в это время еще продолжалось двоевластие. Земская управа, орган уже свергнутого буржуазного Временного правительства, по-прежнему руководила здесь всеми вопросами хозяйства и просвещения. Был и уездный Совет солдатских депутатов, но в нем заседали только офицеры и не было ни одного солдата, по сути, он представлял собой местный штаб контрреволюции.

По заданию Пермского губкома партии большевиков в Оханск были направлены В. Носов и А. Лузин, которые создали здесь большевистское ядро, развернувшее активную агитацию среди населения, скоро поддавшегося на посулы большевиков. В деревнях, селах и поселках уезда начали создаваться Советы, организовываться красногвардейские отряды. Делегаты, избранные на Первый уездный съезд Советов, вместе со своими красногвардейскими отрядами прибыли в Оханск.

15 февраля 1918 года земская уездная управа Временного правительства была разогнана. В этот день уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял власть в свои руки. Был избран его исполком, в состав которого вошли большевики и эсеры. Председателем уездного Совета стал большевик Волков.

Выборы в Совет рабочих и крестьянских депутатов в Верещагине были проведены в феврале 1918 года. Из 18 человек, избранных в Совет, 13 были большевиками. Председателем Совета стал учитель Г. У. Боом. Совет сформировал 7 летучих красногвардейских отрядов, которые проходили военную подготовку, охраняли железную дорогу, помогали ближним волостным Советам в подавлении контрреволюционных выступлений, вместе с

пермскими отрядами участвовали в разоружении офицеров, казаков и солдат, возвращавшихся с фронта в эшелонах.

Первый Оханский уездный Совет просуществовал до марта 1918 года. Дело в том, что сразу после навязанного большевиками установления Советской власти в уезде начались контрреволюционные выступления в волостях. Руководили ими эсеры и бывшие офицеры. На подавление Острожско-Дубровского восстания из Оханска были срочно брошены почти все красногвардейские отряды. Единственной вооруженной силой в этом городе остался только верещагинский отряд Г. У. Боома. Воспользовавшись этим, Боом потребовал перевода на станцию Верещагино сотрудников всех уездных организаций с их семьями и имуществом. Свое решение он мотивировал так: «Уездная Советская власть не может находиться в Оханске, где живут земские чиновники и офицеры, которые своим присутствием создают ей угрозу. В Верещагине же живут и трудятся железнодорожные рабочие, которые будут опорой уездной Советской власти».

Приближалась ранняя весна, дороги начали «расползаться», но сотни крестьянских саней потянулись к Верещагину, перевоза имущество и семьи сотрудников уездных организаций. Эти действия Боома не могли не подорвать авторитета молодой Советской власти среди крестьянства. Этим воспользовались ее явные и тайные враги. На Втором Оханском уездном съезде Советов, состоявшемся в Перми, большинство представителей от крестьянства оказались эсерами. Этот съезд постановил оставить центр уезда в Оханске, а Боом как авантюрист был с позором удален из зала заседания. Эсеры, захватившие большинство в исполкоме уездного Совета, вскоре добились вывода из него остальных большевиков как «не оправдавших надежд трудового народа».

Очевидцы свидетельствуют, что большевик Боом, пользуясь своими правами и сложностью обстановки, подвергал людей необоснованным репрессиям (арестам, допросам, реквизиции имущества), жестоко расправляясь с мешающими ему. Жертвами его стало немало безвинных людей. Это, конечно, вызывало недовольство действиями Советской власти. «Бомовщина» — так называли то время многие старожилы-верещагинцы.

В дальнейшем Боом перешел на сторону белых и долго командовал карательным отрядом у Колчака, прославившись своими зверствами над людьми. Летом 1919 года его поймали красные и расстреляли как врага.

В апреле 1918 года 30 молодых железнодорожников собрались в механическом цехе депо, чтобы по примеру молодежи Петрограда и Перми создать на станции Верещагино организацию Союза социалистической рабочей молодежи (ССРМ). Из них первыми записались Иван Краевский, Федор Ярославцев, Иван Лорберг, Александр Смолягин, Иван Ренев, Федор Пьянков, Иван Ончуков.

Председателем ячейки был единодушно избран Владимир Иосифович Курочко, большевик с 1915 года, заместитель председателя местного ревкома. Следовательно, апрель 1918 года стал временем создания первой в Верещагине комсомольской организации. Какова же была ее деятельность?

Вспоминает член большевистской партии с марта 1918 года Татьяна Васильевна Мезенцева (Коротаева), работавшая заведующей агитпунктом на станции: «По заданию ЧК верещагинские красногвардейцы и комсомольцы выявляли в проходящих эшелонах и поездах оружие, боролись с «мешочниками» и спекулянтами. Молодежь чистила в депо паровозы, проводила уборку, участвовала в «синей блузе» и «живой газете», ставила спектакли, пела в хоре.

Агитпункт станции сосредоточил в своих руках массово-политическую работу среди красногвардейцев в проходящих эшелонах, организовывал митинги, читки газет, беседы, прослушивание грампластинок с выступлениями В. И. Ленина, М. И. Калинина и других видных деятелей партии. Активными комсомольцами были Ф. Онянов, И. Челпанов, Ф. Бессонов, А. Лобанов, И. Смертин и другие молодые верещагинцы».

25 мая 1918 года начался антисоветский мятеж чехословацкого корпуса бывших военнопленных. В короткий срок он охватил Сибирь, Южный Урал, Среднее Поволжье, вызвал волну контрреволюционных выступлений. Началась кровопролитная гражданская война.

В эти дни Пермский губернский комитет РКП(б) принял обращение «К рабочим и беднейшим крестьянам Урала». В нем говорилось: «К оружию, рабочие и беднейшие крестьяне Урала! Поднимайтесь на борьбу, труженики заводов, фабрик и деревень! Сменяйте станки и сохи на мечи! Поднимайтесь на борьбу, свободолюбивые сыны Урала! Становитесь все в ряды Красной Армии! Ваши долины и ущелья пусть станут могилой для изменников и контрреволюционеров! Красный Урал в опасности! Все к оружию!»

В ответ на призыв партии уже 28 мая в Верещагине добровольцами на фронт записались около 400 человек, из которых были созданы два отряда. Один из них, объединенный с рабочими Перми, был направлен под Челябинск, другой — в сторону Омска. С первыми верещагинскими отрядами ушли и многие большевики, в том числе — член уездного Совета Ф. М. Кряжевских, заместитель председателя ревкома О. Н. Соловская, военный комендант станции Н. А. Нестеров и другие, а также 8 комсомольцев-железнодорожников.

Наши земляки проявили мужество и героизм в боях на юге Урала, в районе станции Аргаяш и деревни Аязгулово. Здесь, у разъезда № 87, Александр Онянов и Владимир Ончуков ценой

своей жизни остановили бронепоезд белых, чем спасли отряд от разгрома. Они были первыми верещагинскими комсомольцами, погибшими в разгорающейся братоубийственной войне.

К концу июля 1918 года в Верещагине был сформирован еще один большой отряд Красной Армии, основой которого также стали рабочие-железнодорожники. Военными дорогами они прошли потом по многим фронтам гражданской войны до Иркутска и Перекопа.

8 августа 1918 года вспыхнул крупный эсеровско-меньшевистский мятеж на Ижевском и Воткинском заводах. В Пермской губернии была объявлена мобилизация населения в Красную Армию. Однако многие крестьяне, не успевшие поправить свои хозяйства после четырехлетней империалистической войны и не видя смысла в борьбе своих против своих, тяготились новым призывом.

Пользуясь этим, руководители подпольного пермского центра заговорщиков решили взбунтовать призывников Оханского уезда в волостях, ближних к Ижевско-Воткинскому восстанию. Очагом нового антисоветского мятежа они избрали отдаленную и сравнительно богатую Сепычевскую волость, граничившую с Глазовским уездом Вятской губернии, близкую к железнодорожной станции Бородулино. Планировалось последующие мятежи на всем протяжении границы с Вятской губернией объединить с Ижевско-Воткинским.

В жестокой классовой борьбе, разгоревшейся в Прикамье летом 1918 года, контрреволюционеры учли особенности зажиточного села Сепыч. Крестьяне здесь имели богатые наделы земли, выращивали много скота. Большой процент составляли кулацкие и хуторские хозяйства, где широко использовался низко оплачиваемый труд батраков-удмуртов из бедных деревень соседней Вятской губернии. В торговом селе Сепыч жило немало купцов, ростовщиков и предпринимателей по обработке кожевенного сырья. Люди объединились в борьбе за восстановление прежнего порядка. Большевики и Советская власть зачастую сами способствовали росту неприязни к себе своими ошибками и нарушениями законности. Под «пьяную руку» волостной продотряд не раз допускал самоуправство не только в своих деревнях, но и в соседней Вятской губернии, за что Оханским уездным исполкомом был намечен к разоружению.

Воспользовавшись недовольством населения предстоящим 18 августа призывом в Красную Армию и разговорами о том, что продотряды отберут весь хлеб, зажиточная часть населения за несколько дней до этого начала собирать оружие и ковать по ночам железные наконечники для пик. Сын богатого крестьянина из соседней деревни Демино подпрапорщик В. И. Мальцев организовал возле себя всех, кто был недоволен порядками, установ-



ге — Кленовский отряд. Взявшийся руководить объединенными силами Тронов не установил связи между отрядами, и те действовали разрозненно.

На рассвете 21 августа усть-бубинцы вплотную подошли к Сепычу и завязали бой на его окраине, но понесли потери и отошли под напором превосходящих сил мятежников. В числе ворвавшихся в Сепыч был молодой боец Филипп Меркушев, отец которого находился во вражеском застенке. Раненный в перестрелке, юноша был схвачен на краю села. Его истязали на глазах отца, но погиб он, ничего не сказав об отряде.

Остаток дня прошел в бесплодной перестрелке. Вечером Тронов затребовал кавалеристов со всех отрядов, чтобы пустить их в обход Сепыча с северной стороны. Ночь прошла спокойно. А утром 22 августа с юга к Сепычу подошел после 120-километрового марша оханский отряд В. И. Вожакова. Во избежание кровопролития Вожаков послал к мятежникам парламентаря с требованием сдаться. Однако оказалось, что восстание уже ликвидировано и село свободно.

Дело в том, что события в Сепыче развивались накануне по своему. Среди арестованных 19 августа оказался бывший матрос с эсминца «Бесшумный» Андрей Евстафьевич Жданов, племянник председателя волостного Совета. На запрос руководителя заставы Паршукова, что делать с ним, руководитель мятежников Мальцев ответил: «На ваше усмотрение». Тогда Паршуков решил провести на второй заставе суд над матросом, который раньше ходил с комиссией описывать кулаков. За расстрел проголосовали 26 человек, против поднялось большинство рук. Паршуков приказал матросу идти в первый окоп.

Через некоторое время Андрею Жданову удалось хитростью покинуть заставу и пробраться в Сепыч. Здесь он нашел поддержку знакомых односельчан: В. И. Жданова и супругов В. П. и А. Е. Елоховых. Вчетвером они решили действовать и для начала написали письмо к жителям села и окрестных деревень, которых повстанцы голодными держали в окопах на второй заставе. В письме говорилось: «Мы, граждане, насильно согнанные, воевать против Советской власти не хотим. Мы требуем освободить арестованных из амбара. Мы сложим оружие и разойдемся по домам».

Первыми подписали письмо сами Ждановы и Елоховы, а через час свои подписи под его текстом сделали почти все, кто находился на второй заставе. Однако первая заставка была настроена защищаться до конца.

По разработанному плану, в ночь на 22 августа народ во главе с матросом и его помощниками двинулся толпой к амбару, где были заключены более 100 арестованных (руководитель мятежа Мальцев уже приказал фельдшеру напоить всех раство-

ром сулемы, чтобы отравить всех разом). По сигналу Андрея Жданова часовые были схвачены, замки сбиты и все заключенные освобождены. Усиленная толпа ринулась затем в штаб, где обезоружила и арестовала подпрапорщика Мальцева и некоторых его помощников. Части мятежников удалось бежать из Сепыча.

Люди собрались на сельской площади, над зданием волостного Совета вновь подняли красный флаг. Остальные повстанцы, видя, что сопротивление безнадежно, сложили оружие. На стихийном митинге были избраны 12 человек с заданием встретиться и оповестить красногвардейские отряды о конце мятежа.

До недавнего времени совершенно замалчивалась роль самих жителей села Сепыч в ликвидации мятежа августа 1918 года. Преувеличивалась роль красногвардейских отрядов. Сейчас документально подтверждено, что освобождение заключенных, захват штаба и арест части руководителей мятежа, обеспечение перехода большинства восставших на сторону Советской власти сделали сами сепычевцы во главе с Андреем Евстафьевичем и Василием Ивановичем Ждановыми, а также супругами Василием Петровичем и Анной Ерофеевной Елоховыми.

Днем 22 августа отряды вступили в Сепыч, не встретив никакого сопротивления.

За 4 дня сепычевского восстания были замучены, убиты и расстреляны 46 человек. Несколько сотен членов семей коммунистов и сочувствующих им были подвергнуты порке и издевательствам.

По всем направлениям от села и в самом Сепыче сразу начались аресты и выявление преступников, которые продолжались три дня. 25 августа из Перми приехал отряд губчека во главе со следственной комиссией. К началу следствия из двух могил было извлечено 36 изуродованных трупов; останки некоторых погибших, брошенные в лесах и болотах, удалось разыскать позднее.

На допросах арестованные отмалчивались, не называя подстрекателей. Следствие затянулось и в отношении некоторых арестованных было продолжено в Перми. Чрезвычайной следственной комиссией под руководством следователя Комольцева всего были признаны виновными и расстреляны 83 повстанца. Большую часть из них составляли богатые крестьяне, бывшие царские офицеры, священнослужители.

Проведенной в Сепыче чистой были выявлены и исключены из партии чуждые и разложившиеся элементы, способствовавшие своими действиями врагу и росту недовольства населения. С помощью соседних партийных ячеек в волости были организованы комитеты бедноты (комбеды), среди населения проведена большая разъяснительная работа.

После ликвидации мятежа многие местные крестьяне пошли в Красную Армию. В волости было собрано немало теплых вещей

и поставлено лошадей для фронтовых частей. До конца 1918 года здесь было изъято для государства около 7 тысяч пудов хлеба.

✓ Сепычевское восстание всегда будет кровотокашей раной в истории нашего района, свидетельством немислимой жестокости и зверства, которые приносит народу гражданская война.

В сентябре 1918 года в Прикамье был сформирован специальный железнодорожный батальон, в ряды которого вступило немало верещагинцев.

В ноябре—декабре 1918 года колчаковские войска, имея численное превосходство, используя ненадежность управления советской 3-й армии, неустойчивость некоторых ее частей и опираясь на пермское контрреволюционное подполье, сорвали ее наступление на Екатеринбург. Они оттеснили войска 3-й армии, нанеся им большие потери. Боевой состав армии сократился почти вдвое.

Бывший военный комиссар Верещагинского железнодорожного телеграфа И. А. Широглазов вспоминал: «С каждым часом, начиная с 23 декабря, с фронта поступала неутешительная информация, которую мне, скрепя сердце, приходилось докладывать ревкому и участковому комитету железнодорожников. Около 9 часов вечера 24 декабря без предупреждения прекратилась связь с управлением дороги и Пермью I.

Не зная положения, я лично стал вызывать станцию Пермь I.

— Почему долго не отвечаете? — спросил я.

— Уходи, красная сволочь! — ответили мне оттуда, и связь прекратилась.

Стало ясно: на станции Пермь I и в управлении дороги — белые. Пермь II еще некоторое время держалась, но 25 декабря связь прекратилась и с ней. В этот день, несмотря на героические усилия частей нашей 29-й стрелковой дивизии, белые заняли Пермь, используя помощь контрреволюционного подполья.

26 декабря в Верещагино стали прибывать люди, под артобстрелом вырвавшиеся из Перми по зимнему льду Камы. Специальным поездом из управления дороги первыми прибыли Ю. В. Рудый и А. И. Емшанов (бывший начальник разъезда № 21), которые возглавляли тогда административную и общественную власть на Пермской железной дороге. На нашу станцию то и дело прибывали войсковые штабы, гражданские учреждения, люди всех чинов и званий. Несмотря на кажущуюся неразбериху, начальник станции Петров осуществлял на путях действительно железный порядок».

После сдачи Перми, продолжая вести ожесточенные бои с наседавшими колчаковцами, части 3-й армии, медленно отступали к Верещагину. Многие населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. В тяжелых условиях зимы отступление с боями продолжалось до линии Оханск—Нытва—Менделеево—Карагай.

В эти дни около 180 верещагинских коммунистов, более половины состава парторганизации, влились в полки 29-й и 30-й дивизий. 9 января 1919 года Верещагинская организация РКП(б) вновь решила призвать в ряды Красной Армии каждого второго коммуниста. Партийные мобилизации были проведены также в Вознесенской, Путинской, Сепычевской и других соседних волостях.

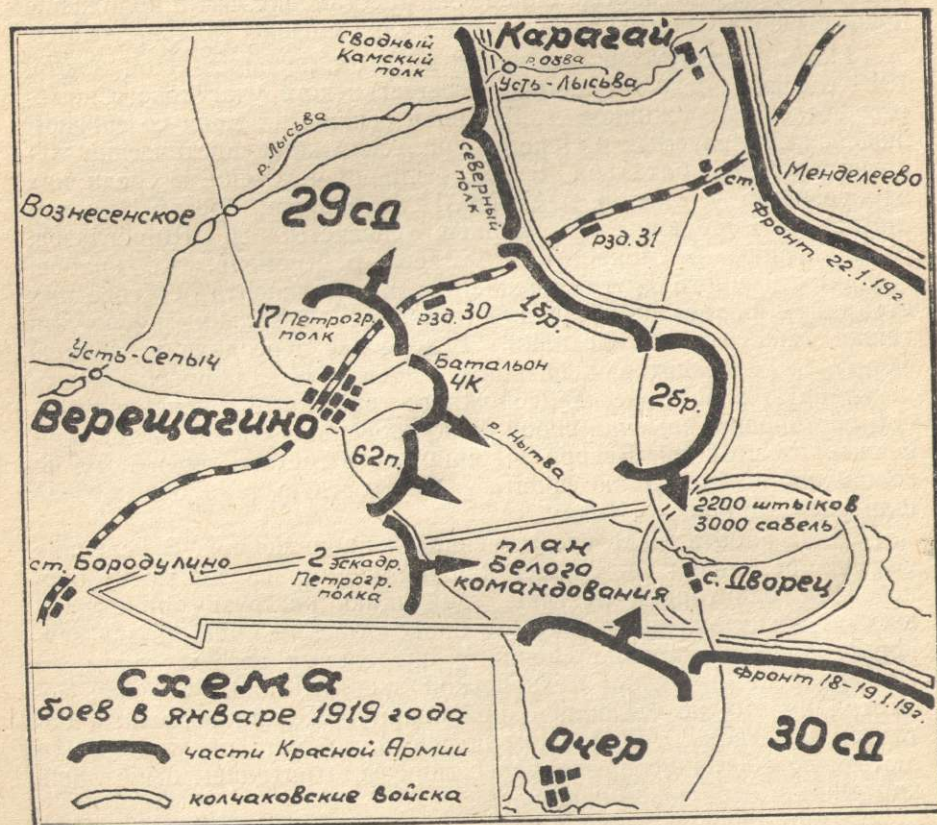
Станция Верещагино оказалась в центре кровопролитных боев, исход которых во многом определял расстановку сил и положение на Восточном фронте. Население поселка спешно эвакуировалось.

И. А. Широглазов вспоминал об этом периоде: «Под новый, 1919 год, зав. отделом кадров Верещагинского участкового комитета железнодорожников А. Г. Синев ознакомил меня со списком людей, мобилизуемых в Первый Уральский коммунистический железнодорожный батальон. В нем были 44 человека, и среди них паровозники: А. Глазов, А. Седов, П. Наберухин, братья Николай и Алексей Бородкины, П. Чернец, связисты: И. Широглазов, В. Анищенко, В. Мокров, Н. Туляев, Б. Кремлев, К. Грабов, Г. Орлов и много других специалистов транспорта с соседних станций и разъездов, особенно путейцев. Батальон пополняли также мостовники и плотники. Вскоре нас переделали в военную форму, выдали винтовки, патроны и поставили задачу: обеспечить регулярную работу железнодорожного транспорта в условиях боевой обстановки, заменив собой эвакуированных специалистов прифронтовых станций. Вскоре мы прибыли в составе своей роты на головную тогда станцию фронта — Чайковскую, в районе которой шли упорные бои за Нытву.

Наша работа была ответственной и напряженной. В условиях боевой обстановки мы осуществляли прием и передвижение бронепоезда, санитарной летучки, эвакуацию, разгрузку прибывающих воинских эшелонов. Все это проводилось без световых и звуковых сигналов, правил сцепки и предельных весовых норм, то есть вопреки правилам технической эксплуатации. Однако, несмотря на это, не было ни одной аварии. Железнодорожный батальон действовал четко, скрытно и быстро, хотя на улице были лютые, до 40 градусов, январские морозы, а питанием была лишь картошка и небольшой паек хлеба».

Белые бросили свежие силы против обескровленных красных частей, и они вынуждены были отходить. Была оставлена Чайковская. 15 января на участке, который обороняла 29-я дивизия, противник повел наступление с целью захвата станции Менделеево. Упорные бои шли возле деревни Азово. Колчаковцам удалось окружить здесь 6-ю роту Лесновско-Выборгского полка. Красноармейцы погибли в неравном бою, лишь 12 бойцов и командир полка пробившись через кольцо окружения.

С рассветом 16 января два полка колчаковской пехоты повели наступление в стык 29-й и 30-й дивизий, фланги которых со-



прикасались в селе Дворец. Колчаковцам удалось окружить здесь батальон Богоявленского полка, однако красноармейцы проложили себе дорогу штыковым ударом и пробились к Верещагину.

16 января командир 1-го Среднесибирского корпуса генерал-лейтенант Пепеляев приказал развить достигнутый под Дворцом успех и продолжать наступление, чтобы перерезать железную дорогу у станции Бородулино и таким образом вбить клин во фланги красных дивизий, рассчитывая покончить с ними одним ударом. Для этой цели 2-я Сибирская дивизия белых усиливалась штурмовым батальоном, а также батальоном 8-го Бийского полка и двумя сотнями казаков. Из этого пополнения была создана специальная ударная группа полковника Урбановского. В ночь на 19 января в село Дворец начали прибывать роты 7-го Кузнецкого полка и Новониколаевский полк, усиленный гаубицами.

Таким образом, белые располагали полуторным превосходством в силах. Хорошо вооруженные, снабженные всем необходимым, колчаковцы надеялись на быстрый успех. Офицеры обещали солдатам легкую дорогу до самой Вятки. Но обстановка складывалась иначе.

Уже через два дня после падения Перми, в связи с успехами 5-й Красной армии на Уфимском направлении Восточного фронта, белые вынуждены были ослабить и частично прекратить свое наступление в Прикамье, начав здесь вывод некоторых сил в резерв. Кроме того, Иосиф Сталин, прибывший 5 января 1919 года в район 3-й армии во главе комиссии ЦК РКП(б), признал Пермско-Вятское направление наиболее опасным и доложил В. И. Ленину, что «Вятке угрожает участь Перми». Он потребовал срочного усиления Пермского направления резервами из центра страны и с южного участка Восточного фронта, что и было незамедлительно сделано. (В нашей прежней исторической литературе декабрьские 1918 года неудачи 3-й армии рассматривались как «Пермская катастрофа», ликвидированная гением Сталина).

По указанию комиссии ЦК, 16 января в Верещагино прибыли батальон Вятского губчека и зимнее обмундирование. Все бойцы получили валенки, полушубки, на позиции пришли полевые кухни. В частях шла усиленная политико-массовая работа, укреплялись органы тыла. В Верещагино прибыл 62-й полк, имевший 1800 штыков и 29 пулеметов. На станции Чепца был готов к отправке в Верещагино и 63-й стрелковый полк.

С рассветом 17 января при сильной артиллерийской поддержке белые перешли в наступление на село Карагай. Сводный Камский полк и Северный полк 29-й дивизии вынуждены были отойти к деревне Усть-Лысьва и далее.

В то же время по приказу штаба 3-й армии на станцию Менделеево и село Дворец начали наступать 1-я и 2-я красноармейские стрелковые бригады. Им удалось сломить сопротивление



колчаковцев и подойти к Менделееву и Дворцу. Здесь 2-я бригада и 2-й Красноуфимский полк дважды атаковали позиции белых, но начавшаяся пурга приостановила их действия. Утром красные части возобновили атаки на Дворец. Однако белые оказали упорное сопротивление, и наступавшие части вынуждены были отойти на исходные рубежи.

Бывший командир отряда верещагинских добровольцев, машинист Петр Петрович Никитин так вспоминал о событиях тех дней: «18 января был очень сильный мороз. Я находился на бронепоезде, стоящем на разъезде № 31 (сейчас — разъезд Кукетский), недалеко от Верещагина и деревни Нижне-Савино. Тут к нам подошли связисты 253-го полка «Красных орлов» со своим командиром. Я предложил им подключиться к телефонной связи белых. Они согласились, но за неимением «когтей» мы свалили столб и включились в линию.

Из подслушанного разговора белогвардейских офицеров удалось выяснить, что 19 января белые намереваются бросить в бой ударную группу полковника Урбановского, чтобы выполнить свою основную тактическую задачу: из района Дворца взять станцию Бородулино и окружить под Верещагином сгруппированные здесь части 29-й дивизии. Мы доложили об этом в штаб».

Решив опередить наступление белых, начальники 29-й и 30-й дивизий приказали нанести удар по селу Дворец в ночь с 18 на 19 января. С этой целью в наступательную операцию были отправлены две бригады 29-й дивизии, а также 1-й и 2-й Красноуфимские полки 30-й дивизии. Кроме того, в деревню Чудиново выдвигались два эскадрона Петроградского полка. В район боев со станции Верещагино шли подкрепления. Было ясно, что именно здесь, под Дворцом, будет решен вопрос: отступать ли 3-й армии дальше или удастся повернуть врага вспять.

В резолюции своего митинга бойцы Вятского батальона губчека писали: «Мы готовы умереть, но не пустим врага!» Подобные резолюции принимались и на других полковых и батальонных митингах. Идеологической обработке большевики придавали перво-степенное значение. Вокзал станции Верещагино был увенчан огромным лозунгом: «Смерть Колчаку!» А именно отсюда, с привокзальной площади, по главной улице поселка, уходили свежие полки в район предстоящих боев.

Утром 19 января красные части из деревни Осиновка подошли к Дворцу с запада и завязали бой. 1-й Красноуфимский полк после ночного марша сходу атаковал село с юга, а Петроградский полк повел наступление с северо-востока, чтобы не дать врагу уйти по тракту на село Шервинское.

Наступающие шли по глубокому снегу под сплошным артиллерийским и пулеметным огнем. В 12 часов дня белые начали обстрел частей 29-й дивизии химическими снарядами (это был един-

ственный случай в истории гражданской войны). Наступающие, потеряв более 20 человек, отравленных газами, замялись.

И тогда вперед поднялись коммунисты. Вскоре 1-й Красноуфимский полк ворвался на улицы села Дворец и завязал здесь бой. Вслед за ним сюда входили и другие части. Исход боя решился штыковым ударом. После двухчасовой рукопашной схватки Дворец был отбит у белых. Наступающие красноармейцы захватили много пленных, три орудия, сотни снарядов и канцелярию штурмового батальона.

140 красноармейцев пали в этом сражении. Все они были доставлены на подводах в Верещагино и похоронены здесь в братской могиле на главной улице поселка — Вокзальной (место захоронения находится рядом с первым зданием средней школы № 1).

Бой под селом Дворец были первой серьезной победой 3-й армии после сдачи Перми. Отступающих колчаковцев преследовал артиллерийский огонь бронепоездов. Станция Менделеево, село Карагай и Нытвенский завод вновь стали советскими.

Однако поспешность в подготовке пермской операции, медлительная перегруппировка красных войск и отсутствие крупного перевеса в силах в полосе 3-й армии не позволили ей добиться успеха. К 28 января она продвинулась лишь на 20—40 километров, не создав серьезной угрозы пермской группировке белых и лишь на время задержав перевод части их сил на юг, под Уфу. Ослабление же советских войск под Уфой из-за переброски частей к Перми и переход их к обороне дали возможность белой армии перейти в начале марта к наступлению не только на юге, но и в Прикамье, что создало общий кризис на всем красном Восточном фронте.

В этот период штаб 29-й дивизии 3-й армии дислоцировался на станции Верещагино. Сюда же после падения Перми отошел участвовавший в боях интернациональный отряд Го Фученя (впоследствии погиб). Это был один из трех отрядов, сформированных из китайцев, работавших ранее по найму на заводах и шахтах Урала. С 22 января на станции Верещагино началось формирование кавалерийской бригады, командиром которой был назначен прославленный в предыдущих боях Филипп Ефимович Акулов. В состав бригады входили два полка, одним из которых был Стальной Путиловский полк, широко известный своими боевыми подвигами в боях с колчаковцами.

Говоря о необычайной напряженности событий тех лет, когда в яростной, смертельной схватке столкнулись враждебные идеологии, мировоззрения, нельзя не упомянуть об одном местном эпизоде гражданской войны. Его в своей книге «Пережитое» рассказал В. Ф. Сивков, командир особого коммунистического кавалерийского отряда численностью в 50 человек, имевшего задачей

укрепление тыла 29-й дивизии около железной дороги Пермь—Вятка и там, где не было сплошной линии фронта (впоследствии В. Ф. Сивков — председатель президиума губкома партии и одновременно — председатель губисполкома, член ВЦИК от Пермской губернии): «Числа 10—12 января 1919 года вблизи от села Вознесенское мы заметили в перелеске, недалеко от дороги, человека, пытавшегося скрыться. На требование выйти на дорогу, он ответил стрельбой из нагана. Почти сутки мы потратили на то, чтобы взять его живым. И взяли его в то время, когда, поставив локоть на пень, он щелкал рязряженным наганом, по-видимому, уже не отдавая себе отчета в том, что делает.

Назваться он отказался. Документов при нем мы не обнаружили, но нашли значительную сумму царских денег бумажками и золотом, две записанные шифром четвертушки бумаги, фотографию пленного и слепую карту, нанесенную тушью на белом плотном шелке. По выправке в пленном чувствовался военный человек.

Только вечером голод, жажда и слабость заставили его заговорить. Он назвал штабс-капитаном старой армии Власовым, но не сказал ни имени, ни отчества, ни того, как и зачем попал в расположение советских войск. Казался он нам матерым зверем. Отправить его в Верещагино с двумя конвойными мы не рискнули. Думали: обязательно уйдет. А выделить больше сопровождающих — не могли. Поэтому, приложив к краткому рапорту все найденное у него, послали нарочного в Верещагино за указанием, что делать.

Через сутки нарочный вернулся. В привезенной им бумаге помощник начальника особого отдела дивизии сообщил, что личность арестованного установлена, это — полковник Головин, и что он должен быть расстрелян как изменник и предатель. Исполнение поручалось нашему отряду, и о нем предлагалось донести.

На другой день на сельском кладбище, у вырытой могилы, выстроились исполнители и осужденный. Раздалась команда: «Внимание! По врагу революции...». Щелкнули затворы винтовок... И вдруг осужденный твердым, без малейшей дрожи, голосом сказал: «Начальник, имею последнюю просьбу, разрешите?» Я дал команду: «Отставить!» Головин твердо отчеканил: «Я, Гвардии полковник Императорской армии Власов, командовал частями армии свыше 40 лет. Вынужденный обстоятельствами умереть, прошу это сделать под мою собственную команду!»

Не успел я осмыслить просьбу Головина, как комвзвода Коккоулин подбежал вплотную к полковнику и, поднеся ему под нос здоровенный кулачище, крикнул: «Нет, белогвардейская сволочь! Не будет этого, команда к нам перешла!» И старый, седой полковник, за свою жизнь едва ли проливший хоть одну слезу, зарыдал. Но не жизни ему было жаль...

...И ушел из жизни гвардейский полковник царской армии Головин, не назвавший и перед самой смертью своей настоящей фамилии. А в отряде долго потом вспоминали о перешедшей к нам команде».

Этот частный эпизод гражданской войны характеризует классовую поляризацию, доведенную в те годы до нечеловеческой ненависти.

В начале марта 1919 года, создав большой перевес сил, колчаковские армии, поддерживаемые странами Антанты, начали свое второе наступление на Восточном фронте, который В. И. Ленин называл тогда «сердцем революции». Целью их наступления было скорейшее соединение с северными войсками интервентов, идущими со стороны Архангельска, чтобы совместными силами двинуться на Москву. Удар был нанесен в Прикамье, между Оханском и Осой, в стык 2-й и 3-й армий. После многодневных упорных боев 10 марта белые взяли Очер. Нависла новая угроза выхода их на железную дорогу у станции Бородулино и окружения частей 29-й дивизии, находящейся в районе Верещагина.

Одновременно колчаковцы развивали свое наступление и от Перми, по железнодорожной магистрали. Рано утром 5 марта на участке Чайковская — разъезд № 34, при выходе нашего бронепоезда № 5 из выемки, им удалось прямым попаданием снаряда разбить его артиллерийскую бронеплощадку. При взрыве погибли 11 красноармейцев, а площадку была сброшена взрывом с рельсов и закрыла бронепоезду путь, сделав его неподвижной мишенью.

Колчаковцы хотели захватить бронепоезд, но его команда организовала сильную огневую оборону. В этот критический момент верещагинский машинист Петр Петрович Никитин под обстрелом врага поставил аварийную площадку на рельсы, подцепив весь бронепоезд паровозом санитарной летучки. Героический подвиг машиниста, спасшего бронепоезд и его команду, был отмечен орденом Красного Знамени (впоследствии П. П. Никитин стал одним из первых почетных граждан города Верещагина).

Под напором противника красные части отходили по магистрали на запад, хотя бои здесь шли с переменным успехом. Одновременно проводилась вторая эвакуация железнодорожного участка Сюзьва—Верещагино.

К 6 часам вечера 12 марта на путях в Верещагине оставался лишь штабной поезд 2-й бригады 29-й дивизии. Бойцы коммунистического батальона отправили его перед собой и своим эшелонам последними оставили станцию. По прибытии в Бородулино они получили сообщение конной разведки о приближении со стороны Очера крупной группировки белых, стремящихся отрезать красным пути отхода. Однако бойцам-железнодорожникам удалось здесь вывести из строя водокачку, а также подорвать стрелки и крестовины рельсов.

В ночь на 13 марта, уже после отвода 29-й дивизии к станции Кузьма и второй эвакуации части железнодорожников в Вятку, казачьим частям Сибирского корпуса генерала Пепеляева удалось ворваться в Верещагино со стороны Очера. Задачу по прикрытию отходящих красных частей осуществили бойцы интернационального китайского отряда Го Фученя.

Белогвардейская контрразведка, разместившаяся в двухэтажном доме купца Грязнова на Торговой улице (ныне на этом месте дом № 60 улицы Карла Маркса), арестовывала, допрашивала и пытала людей. Работала она со знанием дела, по заранее кем-то составленному списку советских активистов, сочувствующих коммунистам, семей красноармейцев. Свои расправы колчаковцы творили и в «поезде смерти», стоящем в железнодорожном тупике, и на Шутовской мельнице, что была километрах в четырех от станции. Каждую ночь здесь истязали и расстреливали. Многие люди были замучены тогда в белогвардейских застенках. Об этих скорбных днях и тяжелых событиях гражданской войны напоминает сейчас обелиск, установленный около здания средней школы № 1.

После занятия белыми Сепычевской волости здесь вновь появился Иван Селиванов — один из организаторов прошлого антисоветского мятежа, избежавший чекистского возмездия. Он был назначен комендантом трех соседних волостей. Им были расстреляны Филимон Романов и старик Лаврентий Пепеляев, посажен в тюрьму отец красноармейца Володина. 96-летнему старику Патракову он всыпал 25 розог. На собрании крестьян в деревне Запольцы Селиванов обещал 30 тысяч рублей тому, кто укажет местонахождение председателя волисполкома Горбунова.

Иван Селиванов не оставил в покое даже мертвых. По его указанию была осквернена братская могила сторонников Советской власти, погибших во время августовского мятежа. Во всех деревнях белые отнимали имущество красноармейских семей, реквизировали лошадей, коров и хлеб. Получалось по формуле, ставшей после знаменитой в фильме «Чапаев»: «Белые идут — грабят! Красные идут...».

Старался отличиться и Иван Субботин. Он хорошо знал местных коммунистов и сочувствующих им, проводил аресты этих людей. Субботин распорядился дать Михаилу Негодяеву 500 ударов нагайкой. У 65-летнего старика Ивана Слюнкова он расстрелял сына, а самого его жестоко избивал и топтал ногами. Арестованные Субботиным люди исчезали бесследно, их допрашивала и расстреливала в Верещагине колчаковская контрразведка.

С приходом белых восстанавливались прежние порядки. Вернулись и оживили свою деятельность капиталисты, купцы и помещики. Колчак объявил свободу торговли в деревне и сразу же поднял цены на хлеб и другое продовольствие. Рабочие были ли-

шены всех прав, предоставленных им революцией большевиков. Стачки и забастовки повсюду были запрещены под угрозой расстрела.

Помещице Сатиной была возвращена ее собственность: взорванное революцией и декретом о земле «дворянское гнездо». В 1918 году местные крестьяне вывезли из имения библиотеку и рояль помещицы. По невежеству своему, не зная, что с ними делать дальше, они сгрузили все это до выяснения в какую-то избу и на время забыли. Колчаковцы вернули Сатиной инструмент и книги, попорченные сыростью и варварским обращением при перевозке. Очевидцы рассказывали после, что помещица упала на рояль с возгласами: «Варвары! Разве им нужны музыка и книги!»

Однако и в этот период борьба за Советскую власть продолжалась. Известны действия в районе Верещагина партизанского отряда П. Е. Шавшукова, а также работа советского подполья на железной дороге. Группу подпольщиков на станции Верещагино возглавил большевик с октября 1917 года Федор Михайлович Кряжевских.

В начале марта 1919 года на одном из тайных совещаний партийной организации и военно-революционного комитета было решено оставить Ф. М. Кряжевских для подпольной работы в случае прихода белых. Незадолго до эвакуации железнодорожных специалистов в Вятку на станции была распространена легенда, что он исключен из партии за то, что, будучи унтер-офицером царской армии, избивал солдат. Для того, чтобы замаскировать свою принадлежность к партии, Ф. М. Кряжевских перед приходом белых демонстративно повенчался с женой в местной церкви.

При колчаковцах коммунист Кряжевских, продолжая работать слесарем на станции и других железнодорожных участках, руководил группой подпольщиков. Они помогали партийным работникам переходить линию фронта для дезорганизации белогвардейского тыла, задерживали в депо ремонт паровозов и вагонов, по заданию штаба 3-й армии собирали разведданные.

Подпольная работа Ф. М. Кряжевских продолжалась до мая 1919 года, когда он по доносу провокатора был арестован на станции Кез. Несмотря на жестокие побои контрразведчиков в Верещагине, он не выдал своих товарищей. После отправки в Пермь, где коммуниста ждали новые допросы и расстрел, Кряжевских заболел сыпным тифом. Однако ему удалось не только выжить, но и бежать с товарищами из тюремного изолятора при помощи пермских подпольщиков.

В ходе наступления войск Колчака 2-я и 3-я армии отошли к Глазову и устью реки Вятки. На несколько дней был сдан город Глазов. Однако сопротивление Красной Армии нарастало. Командующий Сибирской армией белых генерал Гайда, который намеревался через полтора месяца после начала наступления

войти в Москву, в апреле писал: «Левый фланг противника упорно защищает каждую деревню и отступает очень упорядоченно, оставляя слишком мало трофеев».

12 апреля 1919 года были опубликованы написанные В. И. Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». В них говорилось: «Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит». Эти тезисы стали боевой программой действий большевистской партии в борьбе за свою власть в России. Партия большевиков сделала все, чтобы к маю 1919 года подготовить мощное контрнаступление Восточного фронта.

Успехи южной группы войск под командованием М. В. Фрунзе заставили Колчака перебросить часть своих сил с Пермского направления для усиления уфимского участка фронта. А это позволило перейти в наступление 2-й и 3-й армиям из района Глазова и Вятки. Сравнительно быстро красноармейцы овладели Глазовым, Сарапулом, Ижевском, Воткинском.

17 июня 3-я армия с боями перешла границу Пермской губернии и вступила в Оханский уезд. В полдень 20 июня части ее 29-й дивизии со стороны Сепыча выбили белых из поселка Верещагина и села Вознесенского. Сделали это вырвавшиеся вперед батальоны Стального Путиловского кавалерийского полка (командир Ф. Е. Акулов, военком А. П. Огарков) и 21-го мусульманского полка Особой бригады (командир Серебренников, военком Ковзель). Революционно настроенная часть населения с радостью встречала красноармейцев. Для сторонников Советской власти закончился более чем трехмесячный кошмар колчаковского террора.

Сибирской армии белых не помогла и мощная линия обороны на рубеже: станция Чайковская — село Ильинское. Наступающие советские войска неудержимо продвигались к берегам Камы. В ходе рейда лесными дорогами на Пермь Стальной Путиловский кавалерийский полк Ф. Е. Акулова перерезал железнодорожную магистраль в районе станции Шабуничи и чуть было не пленил командующего Сибирской армией белых генерала Гайду, которого спасла чистая случайность. Его бронепоезд, оставшийся без охраны, спешно отошел в Пермь, и Гайда сразу же приказал взорвать за собой камский мост. Но и это уже не могло остановить наступление красных. 1 июля 1919 года В. И. Ленин своей телеграммой горячо приветствовал части 3-й армии, освободившей Пермь и Кунгур.

Вместе с армией Колчака покинула свое имение и помещица Елена Сатина. Она приказала угнать с собой на восток и своих знаменитых племенных коров-тагилок. К сожалению, бесценные эти коровы погибли в суматохе камской переправы, а перепуган-

ную помещицу белые посадили в железнодорожный вагон. И пропал навсегда ее след.

Новые хозяева пришли на сатинскую дачу и с ними — коммунист Михаил Петрович Пашков. Бывший кондитер, человек решительный и настойчивый, он стал здесь организатором первого на верещагинской земле совхоза.

Многие верещагинцы прошли в рядах Красной Армии боевой путь до Омска, Новониколаевска (Новосибирска), Иркутска, Польши и Крыма. Некоторые из них с января 1920 года служили в 1-й Революционной армии труда, которой стала бывшая 3-я армия.

Нельзя не вспомнить и о десятках верещагинцев: машинистах, их помощниках, путейцах, связистах, которые выполняли свой нелегкий долг в Первом Уральском железнодорожном батальоне. Вслед за наступающими полками Красной Армии они восстанавливали взорванные мосты, разрушенные пути, пункты водоснабжения и средства связи. Многие из них отдали свою жизнь за счастье народа, который ждали впереди чудовищные испытания возводимой большевиками системы. Но в то время никто предвидеть этого не мог.

Колчаковцы после себя оставили в Верещагине следы немалых разрушений. Вокзал, путейское и деповское хозяйство были взорваны или выведены из строя. Часть специалистов железной дороги с их семьями были насильно вывезены в Сибирь. Арестованных колчаковцы погрузили в вагоны с семьями коммунистов и объявили их заложниками. Среди них были жена Ф. М. Кряжевских, Мария Антоновна, и его отец. Эти вагоны белогвардейцы дотасовали до Иркутска, а там в панике дальнейшего отступления бросили.

✓ Верещагинский ревком сразу возглавил все восстановительные работы, которые шли на станции день и ночь. Уже 11 июля 1919 года дорога ожила: удалась восстановить сообщение от станции Верещагино в сторону Вятки, а 21 июля — в сторону Перми, до взорванного камского моста.

Вскоре в поселке было налажено производство кирпича. На западной его окраине началось строительство семи жилых домов и нескольких барачков.

Партийная организация развернула активную идеологическую работу среди населения поселка и деревень. Все коммунисты в порядке обязательной очередности выступали с докладами о текущем моменте, проводили массовые читки газет, сообщений с фронтов гражданской войны. В результате активной пропагандистской работы и других практических мер усиливались общественный порядок, дисциплина и производительность труда, восстанавливались хозяйство и транспорт, из деревень пошел хлеб, на фронт отправлялись новые добровольцы.

Особенностью тех лет стало массовое участие верещагинцев в безвозмездных коммунистических субботниках. Первый из них был проведен 10 декабря 1919 года. В ходе их шли работы по расчистке путей, заготовке дров для нужд железной дороги в районе разъезда № 29, который впоследствии был назван Субботники. Особенную активность при этом проявляли комсомольцы.

18 февраля 1920 года, на два месяца раньше намеченного срока, был восстановлен и открыт для движения камский железнодорожный мост. Надежды контрреволюции на длительную изоляцию промышленного Урала от центральных и восточных районов России не оправдались.

В те дни верещагинцы, руководимые советской властью, с энтузиазмом участвовали в мероприятиях Недели фронта и транспорта, Недели помощи Западному фронту, восстанавливая паровозы и вагоны, собирая теплые вещи для нужд Красной Армии. Так, в августе 1920 года они в качестве своего трудового подарка бойцам Западного фронта отправили в Екатеринбург поезд: паровоз и 20 вагонов, отремонтированных ими в ходе бесплатных сверхурочных работ. Прибывшая с поездом делегация верещагинских рабочих призвала на митинге трудящихся Екатеринбурга последовать их примеру (об этом сообщила тогда газета «Правда»). Почин был подхвачен всеми железнодорожниками Пермской дороги.

Учительница Юлия Николаевна Мартемьянова вспоминала: «Октябрьскую революцию мы приняли как праздник. Учителя и учащиеся организовывали концерты, спектакли в открывшемся недалеко от школы рабочем клубе. Читали для неграмотных газеты и листовки. А когда колчаковцы подошли к Верещагину, заведующая интернатом вывела на вокзальный перрон 35 школьников, и отступавшие красноармейские части взяли их в свои эшелоны».

Любопытна история создания этой школы. Сборы пожертвований на ее строительство начались еще за несколько лет до 1917 года и проводились они главным образом в местной церкви. Крестьянин Федор Моисеевич Мазунин безвозмездно передал под здание и сад школы свою землю. Проектировал ее и руководил строительством архитектор Николай Васильевич Докучаев, сын известного ученого-агронома и почвовода. 1 сентября 1917 года новая школа поселка Верещагино распахнула свои двери. Она была названа высшим начальным училищем. Оригинальное двухэтажное деревянное здание ее (ныне — железнодорожная школа № 87) и сейчас украшает Верещагино. Ю. Н. Мартемьянова была одной из первых учительниц этой школы.

Позже в здании школы, которое было тогда самым лучшим и вместительным в поселке, по вечерам зачастую проводились заседания Верещагинского ревкома. Учащиеся и учителя активно

участвовали во всех общественных мероприятиях. Бывший член ревкома Михаил Михайлович Кряжевских писал в своих воспоминаниях: «Весной 1918 года мне было поручено руководить субботником на 29-м разъезде. По колено в воде и снегу 200 учащихся высшего начального училища резали и грузили дрова для железнодорожников Верещагина и Перми. Трудно было поверить, что эти голодные (а мы получали тогда по полфунта хлеба и две картофелины на день), оборванные парни и девушки сумели за несколько часов отправить два эшелона с топливом».

В этот же период, 26 октября 1918 года, на станции Верещагино в числе самых первых на Пермской железной дороге была создана детская площадка «Имени первой годовщины Октября». На первых порах площадку посещали 15—20 детей рабочих и служащих-железнодорожников; дети приобщались здесь к коллективизму и начальным трудовым навыкам.

Первым воспитателем детей на площадке стала Вера Федоровна Кукушкина. Она одна ухаживала за детьми, готовила для них, кормила, делала уборку и стирала белье малышей. Железнодорожная детплощадка «Имени первой годовщины Октября» стала в нашем крае первым дошкольным учреждением.

После освобождения Прикамья от белой армии верещагинцы самоотверженно трудились на ликвидации последствий разрухи в деревнях и на железной дороге. Советская власть, возглавившая на местах это всенародное движение, взяла его в свои большевистские руки и теперь утверждала здесь себя прочно и, казалось, навсегда.

## СОДЕРЖАНИЕ

Далекое прошлое края . . . . .	3
На рубеже веков . . . . .	16
В огне революции и гражданской войны . . . . .	32

**Валентин Григорьевич Мельчаков**

### **ВЕРЕЩАГИНО: ИСТОРИЯ ГОРОДА И РАЙОНА**

Заведующий редакцией **А. П. Субботин**

Редактор **В. А. Богомолов**

Художник **А. С. Стабровский**

**На обложке:** художник В. В. Верещагин;  
obelisk, посвященный героям революции  
и гражданской войны.

Верещагино: история города и района: Историко-краеведческий очерк. —  
Пермь: Областной творческий центр, 1994 г. — 56 с.

Рассказ о заселении и освоении Верещагинского района Пермской области  
с древних времен до момента установления в крае советской власти.

Типография «Литера» г. Пермь, ул. Уральская, 78а Тир. 3000 экз. Зак. 184